Валентин Холмогоров

Алло, это Жора

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Валентин Холмогоров

Алло, это Жора

«Автор»
2026

Холмогоров В.

Алло, это Жора / В. Холмогоров — «Автор», 2026

Эпоха, которую позже назовут «лихие девяностые». Советского Союза уже нет, а капитализм только делает первые шаги — причем в сторону ближайшего обменника. Вокруг кипит новая жизнь: кто-то запускает бизнес, кто-то создает секту, продает таймшеры или строит пирамиду, а кто-то собирает дань с тех, кто всем этим занимается. Здесь можно разбогатеть за один день, а можно потерять всё за пять минут.Питерский журналист без стартового капитала и предпринимательской жилки, зато с природным талантом и врожденным любопытством, пытается найти свое место в этой новой реальности. Он не собирается стать миллионером или пробиваться в высший свет — ему всего лишь нужны материалы для новых статей. Но иногда ради хорошей публикации приходится заводить знакомства с людьми, с которыми лучше не связываться, и совершать поступки, о которых потом лучше не вспоминать.Старые добрые 90-е, уличные кидалы и бандиты, сектанты и финансовые пирамиды, экстрасенсы, джинсы-варёнки и никаких попаданцев!

© Холмогоров В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Валентин Холмогоров 6
Глава 2. Драндулевич 11
Глава 3. Рекламная пауза 16
Глава 4. «Моторола» 23
Глава 5. Третий подъезд 30
Глава 6. Каталы 37
Конец ознакомительного фрагмента. 44

Валентин Холмогоров
Алло, это Жора

Валентин Холмогоров

С большой благодарностью Марату Агиняну. Он знает, за что.

На всякий случай автор обязан предупредить, что употребление алкоголя и табака вредит здоровью, и категорически не одобряет подобные вещи. В связи с этим настоятельно рекомендуется не брать с героев книги пример хотя бы в этой части. Во всех остальных — тоже желательно дважды подумать. Все персонажи, компании, организации, торговые марки и события в этой книге вымышлены. Если вам вдруг показалось, что кто-то удивительно похож на вашего знакомого, одноклассника или бывшего начальника, автор решительно заявляет: это случайность и досадное совпадение. Если же вам кажется, что какой-то персонаж подозрительно похож на вас, автор тут, разумеется, тоже совершенно ни при чем, — пожалуйста, внимательнее перечитайте предыдущий абзац.

Валентин Холмогоров
Алло, это Жора
Глава 1. Дорогая редакция

— Гершин, ты совсем охренел, что ли? Что это такое, я тебя спрашиваю?

Главный редактор не глядя швырнул перед собой свежий выпуск «молодёжки», и, опершись ладонями о бесформенную груду бумаг на столе, подался вперед. Одутловатое, с нездоровыми прожилками лицо Евгения Максимовича расцвело алыми пятнами, и от него, как от эпицентра атомного взрыва, раскатилась горьковатая волна вчерашнего перегара, слегка закамуфлированного промышленной дозой одеколона «Шипр». Кажется, для закрепления успеха он даже полирнул этот замысловатый букет стопкой «корвалола», но житейская хитрость не сработала, разве что добавила в алкогольно-парфюмерный коктейль пикантную медицинскую нотку.

Жора скосил глаза — прямо посреди газетной полосы аршинным кеглем с полужирной гарнитурой красовался заголовок: «На совещание депутатов и министров съехались клоуны с мигалками».

— Это моя статья, — меланхолично пожал плечами он, — а что не так, Максимыч?

— Без тебя вижу, что статья, — рявкнул главред, — не слепой. Кто номер подписывал? Пелетин? Я ему сейчас гланды вырву через задницу…

Номер действительно подписал в печать заместитель главреда Костя Пелетин, причем сделал это не читая: в отсутствие высокого начальства на него свалился неподъемный груз редакционных забот, и выбраться из-под этих завалов всё никак не получалось. Очень уж не вовремя Евгений Максимович сказался больным и исчез из поля зрения на целых три дня. Впрочем, последствия его тяжкого недуга Жора отчетливо ощущал в атмосфере прямо сейчас. Пошарив в кармане, он извлек оттуда мятую пачку «Магны», но закурить не успел — главред выхватил у него изо рта незажженную сигарету и с силой раздавил в пепельнице.

— Хватит дымить у меня в кабинете, и без тебя дышать нечем!

«Вот уж точно», — подумал Жора, втянув ноздрями густой одеколонно-корвалольный дух, а вслух примирительно произнес:

— Да не кипятись ты так, Максимыч. Ты фотографии в материале видел, или только заголовок прочитать успел? Глянь внимательнее.

Главред взял газету в руки, нашарил под бумагами очки, водрузил их на нос и подслеповато прищурился. Жора знал, что он увидит: на фоне сверкающей лакированными боками правительственной иномарки фотоаппарат беспристрастно запечатлел немного грустного и растерянного клоуна в коротких штанишках, кудрявом парике и смешных полосатых чулках до колена. От обычного циркового артиста этот экземпляр отличался разве что нахлобученным на голову детским пластмассовым ведром, очень похожим со стороны на мигалку, что по обыкновению украшали крыши чиновничьих лимузинов. Столь неустойчивая конструкция крепилась под подбородком клоуна обычной резинкой от трусов, но это сложное инженерное решение, придуманное самим Жорой, на фото осталось неразличимым. Делая снимки, он очень переживал, что дешевая корейская «мыльница» в самый ответственный момент подведёт и плёнка окажется засвеченной, но волновался все-таки зря: фотографии получились прекрасно, сложнее было выбрать среди них самый удачный кадр. На желтовато-серой бумаге черно-белое изображение выглядело зернистым, однако аллегоричности своей от этого не утратило.

С добычей клоунов Жоре пособил бывший однокашник Паша Рандулевич, знавший, пожалуй, всех без исключения третьесортных музыкантов, артистов и художников Питера. Явившаяся на его зов парочка потрепанных жизнью актеров сейчас, в период летней бескормицы, пребывала в состоянии острого финансового кризиса, и потому сходу согласилась попозировать в клоунской боевой раскраске перед камерой. Мероприятие обошлось в скромные двадцать тысяч, правда, по завершении съемок творческий коллектив пришлось отпаивать портвейном в ближайшей разливухе — сразу же после того, как труппу выпустили из районного околотка. Зато кадры вышли отменные.

Между прочим, на мысль устроить этот перформанс Жору натолкнул сам Евгений Максимыч. Именно он наставлял молодого корреспондента: даже самое заурядное событие нужно стараться подать так, чтобы на газетной полосе оно смотрелось сенсацией. А что такое очередное сборище чиновников, о котором Жоре поручил написать сам главред? Скукота и рутина. Впрочем, идея — идеей, но протащить такое через сито редакционного ценза казалось почти невыполнимой задачей. И тут Максимыч очень кстати ударился в очередной творческий запой…

— Ну? — нетерпеливо заерзал на стуле Жора. — Клоуны в наличии, министры с депутатами тоже. Принцип достоверности соблюден.

Главред отложил газету, снял очки и пригладил пятерней седую шевелюру.

— Знаешь что, — голос его звучал уже на полтона ниже, — Гагарин долетался, Брумель допрыгался, а ты, Гершин, рано или поздно довыделываешься. Свалился, блин, на мою голову …

Причину этих переживаний Жора хорошо понимал. Евгений Максимыч был человеком советской выплавки и закалки, в периодике трудился чуть ли не с раннехрущёвских времен, и потому к публикуемым материалам относился крайне осмотрительно и осторожно. Он верил, что точно знает «как надо», и, вопреки собственным заповедям, Жорины тексты правил нещадно: сокращал, смягчал, убирал имена, менял острые фразы на бесформенные и обтекаемые обороты. Улучшенная до неузнаваемости статья превращалась под его рукой в безвкусный

кисель, из тех, что читаются по диагонали и немедленно забываются: безупречно выверенный, но совершенно лишённый жизни. Правил он не из страха — из убеждений, из сложившейся за годы привычки, из брезгливости к «желтизне» и «бульварщине». «Советская школа», — усмехаясь, говорил о нем Костик Пелетин. Только вот Союз, воспитавший в своих недрах Евгения Максимыча, рассыпался на обломки около трех лет назад. Времена настали другие: шальные, шумные, дерзкие. Правда, из полутемных подвротен пока еще тянуло не ветром перемен и свободы, о котором пела западногерманская группа «Скорпионс», а прежней кисловатой пивной ссаниной. Но уже как-то по-другому, по-новому, иначе.

— Я могу идти работать? — изобразив на лице смирение и покорность, поинтересовался Жора.

— Катись. Глаза б мои тебя не видели…

Дважды повторять не пришлось: Жора резво поднялся со скрипучего стула и выскользнул за дверь, прикрыв ее за спиной.

Вопреки расхожим стереотипам, рисующим газетно-журнальное издательство эдакой смесью восточного базара и переполненного вокзала в час пик, здесь царила библиотечная тишина, нарушаемая разве что дробным клацаньем клавиатур. Помимо «молодёжки» просторное помещение редакции занимал еще модный журнал «Имидж» в лице его руководительницы и единственной штатной сотрудницы Ниночки, развлекательная газета «Штучка», которой занимался пожилой и интеллигентный Валерий Владиславович Велинский по прозвищу «Три В», и ежемесячник для огородников «Десять соток» — его после ухода редактора Лены Мирошан взвалили на Пелетина. Вдобавок в том же самом здании, только этажом выше размещалось издательство «Триумф», выпускавшее полноцветный бульварный журнал «Пульс», криминальный еженедельник «За гранью закона» и макулатурный дайджест «Неведомое», специализирующийся на полтергейстах, пришельцах и прочей аномальной чертовщине.

Коллеги сидели, сосредоточенно уставившись в мониторы. Своего домашнего компьютера у Жоры не имелось, статьи он набирал на электрической пишущей машинке и распечатывал сразу в трех экземплярах через два листа «копирки», потому в редакции старался написать как можно больше, чтобы не тащить работу домой. Усевшись за свободную персоналку, он запустил привычный «Лексикон» и принялся сочинять в следующий номер «молодёжки» очередной гороскоп.

О чем на этой неделе читателям поведают небесные светила, Жора не имел ни малейшего представления: в астрологии он разбирался примерно как якутский оленевод в шумерской мифологии. Но Максимыч сказал «надо», — каждое уважающее себя издание теперь печатает гороскопы, — и Жоре пришлось подчиниться. Главное, наставлял его главред, чтобы все прогнозы были позитивными.

Поначалу Жора пытался соблюсти хоть какое-то подобие журналисткой этики и по дороге на работу прихватывал возле метро несколько бесплатных рекламных газет вроде «Экстра-Балта», где тоже встречались гороскопы, в надежде скомпилировать из них что-то среднее арифметическое. Однако познакомившись с этим жанром публицистики чуть ближе, он быстро убедился, что рекламщикам прогнозы сочиняли в точности такие же астрологи, как и он сам — настолько диаметрально различались тексты, порой сулившие одним и тем же знакам прямо противоположные вещи. Придя к столь неутешительному выводу, Жора расслабился и решил составлять свои пророчества на основе самого верного и испытанного научного метода: пристального разглядывания растрескавшегося редакционного потолка.

Сегодня гороскоп что-то никак не шёл, видимо, звёзды не желали раскрывать ему свои сокровенные тайны. Жора шевелил губами, повторяя вслух названия знаков зодиака, набирал и тут же стирал на экране строчки. «Близнецы, вы молодцы», — тихо бормотал про себя он, — «Овны, разгребайте говны… Раки… почешите сраки… Весы, постирайте трусы… Козероги, брейте ноги… Блин, фигня какая-то». Мысли всё не складывались в стройный текст, и про-

мучившись с гороскопом минут двадцать, Жора сохранил получившиеся наброски на дискету, сунул ее в дипломат и отправился в курилку проветрить мозги. Оставлять свои черновики на компьютере он не рисковал: персоналки в редакции были общими, а желающих поработать за клавиатурой всегда оказывалось значительно больше, чем самих машин, из-за чего уже не раз и не два коллеги стирали за какой-то надобностью результаты его творческих потуг.

Арендаторы бывшего НИИ, ныне превратившегося в офисный центр, дымили на черной лестнице у окна — здесь в качестве пепельницы была приспособлена большая жестяная банка из-под растворимого кофе. Достав из пачки предпоследнюю «Магну», Жора щелкнул зажигалкой и глубоко затянулся, зажмурившись от удовольствия.

— Привет, — прозвучал над ухом смутно знакомый бас.

Рядом прикуривал сигарету худощавый сутулый парень в очках, которого Жора знал по имени: Саша работал редактором обитавшего на соседнем этаже журнала «За гранью закона». С ним Жора еще не сотрудничал, зато успел написать несколько заметок для выпускавшегося той же конторой «Пульса». Авторам платили сущие копейки, потому батрачить сразу на трёх-четырёх издателей, которые нередко конкурировали между собой, было в порядке вещей. Про «За гранью…» он знал немного, но даже того, что успел рассказать ему главред «Пульса» Дима Ялковский, было достаточно, чтобы проникнуться к этому журналу глубоким уважением.

В отличие от его родной фирмы, платившей авторам наличку без всяких формальностей вроде договоров, «Триумф» нанимал пишущую братию в штат. На безмятежно дымившего сейчас «Союз-Апполоном» Сашу трудился небольшой, но сплоченный коллектив тётушек чуть за сорок, занимавших в редакции отдельную тесную комнатку. Тётушки эти со стороны походили на строгих учительниц русского языка и литературы: все как одна — неброско одетые, неярко накрашенные, в очках с толстыми роговыми оправами, и с волосами, стянутыми в тугой узел на затылке. Жоре казалось, что такие степенные и строгие дамы непременно должны составлять монографии о влиянии творчества Куприна на развитие отечественной литературы, или проверять школьные сочинения на какую-нибудь важную социальную тему, например, «Положительный образ крестьян в произведениях советских писателей». Вместо этого сотрудницы Сашиной редакции конвейерным методом строчили новеллы с кричащими заголовками вроде «Сбежавший из психбольницы серийный маньяк изнасиловал десять морских свинок и продавщицу зоомагазина» или «Труп без лица вернулся с того света, чтобы покарать родного брата». Из-под их наманикюренных пальчиков выходила такая зубодробительная чернуха с убийствами, каннибализмом и расчленёнкой, что у Жоры, прочитавшего ради интереса пару заметок, зашевелились волосы сразу по всему организму, причем даже там, где их существование совершенно не предусмотрено природой. Но читатели «За гранью закона» принимали подобное творчество с таким бурным восторгом, что Саша буквально молился на своих дамочек — они обеспечивали ему продажи и тиражи. Тем более, кто-то из них совмещал писательство с должностью верстальщицы и корректора, что приносило ощутимую экономию средств.

— Слушай, — внимательно осмотрев Жору сквозь сигаретный дым, вдруг спросил Саша, — заработать хочешь?

— Написать что-то надо? — уточнил Жора, прикидывая оставшиеся в кошельке крохи. Подхалтурить он был готов всегда: денег хронически не хватало.

— Не, материалов у нас достаточно, — поморщился его собеседник, — у нас другая проблема. Понимаешь, для статей качественные иллюстрации нужны, а мы уже всех сотрудников по сто раз перефотографировали, включая уборщицу. Ищем новые лица. Не желаешь сняться для моего журнала? Плачу двадцатку.

— Двадцать кусков? — на всякий случай переспросил Жора.

— Двадцать у.е., — пояснил Саша, — баксами.

Жора прикинул в уме: двадцать долларов — это где-то девяносто четыре тысячи рублей, сумма не запредельная, но вполне приличная. Курс, правда, скачет, как ужаленный под

хвост заяц по поляне, потому все прайсы в магазинах бытовой техники и импортных шмоток уже давно номинированы в этих самых «уях», иначе ценники пришлось бы переписывать по десять раз на дню. Так что предложение коллеги из конкурирующего издательства показалось ему вполне привлекательным. Недавно Жора нанимал актёров с этой же самой целью, теперь настало время поработать клоуном самому.

— Годится, — сходу согласился он.

— Ну и славно. Подгребай тогда в эту субботу к нам в редакцию, — размял окурок в жестяной пепельнице Саша, — часам к двенадцати приходи. Будем ждать.

На поясе негромко запищало на одной ноте. Протянув руку, Жора вытащил из чехла простенький «моторолловский» пейджер: небольшой экран вмещал только одну строчку текста, который пришлось прокручивать нажатием кнопки, чтобы прочесть все сообщение. «БУДУ ДОМА В 17-00 ПРИХОДИ ВОЗЬМИ СТЕПАНА. ПАВЛЕНТИЙ». Всё заглавными буквами, никаких знаков препинания.

Послание, как это следовало из подписи, отправил Рандулевич, которого все без исключения знакомые именовали не иначе как Драндулевичем. Имя Павлентий приклеилось к бывшему однокласснику само собой: после школы Драндулевич отучился не то на культуролога, не то на искусствоведа, в общем, приобрел какую-то совершенно бесполезную богемную профессию, отчего и водил знакомство с кучей заштатных музыкантов, художников и артистов, периодически устраивавших у него дома шумные тусовки. В выборе стези он руководствовался, по всей видимости, семейной традицией: мама Драндулевича числилась музейным работником, а кем был его отец, он, наверное, не помнил и сам, поскольку никогда его не видел. В общем, называть этого выдающегося во всех отношениях мужчину как-то иначе было бы сущим кощунством по отношению к Мельпомене, Талии и прочим музам — покровительницам искусств. Ибо какое иное имя, кроме как Павлентий, достойно человека, в квартире которого Каллиопа соседствует с немытой посудой, а Терпсихора ночует на раскладушке?

Драндулевич нигде не работал, но при этом практически всегда у него имелось что-нибудь выпить. Разгадка этого таинственного феномена лежала на поверхности: бухло ему приносили многочисленные гости. Вот и сейчас Жора открыл бумажник, чтобы пересчитать оставшиеся там купюры — на бутылку Степана Разина, весело подмигивающего человечеству с голографической этикетки, должно было хватить.

Забрав в редакции дипломат и воровато оглядываясь на ходу, чтобы Максимыч не перехватил его на полпути и не озадачил какой-нибудь очередной ерундой, Жора спустился вниз. Солнце уже клонилось к жестяным крышам соседних домов, но на улице все еще стояла нестерпимая духота. Он забрался в салон свой нагревшейся до состояния раскаленной сковороды «копейки» и вставил ключ в замок зажигания. Ехать было недалеко.

Глава 2. Драндулевич

Драндулевич обитал в старой пятиэтажке дореволюционной постройки, в просторной трехкомнатной квартире под самым чердаком — в его жилище вел узкий отросток полутемной лестницы, отпочковавшийся от площадки предпоследнего этажа. Вход в подъезд прятался за железным горбом приделанного к фасаду лифта: здесь, в закутке, всегда валялись разломанные фанерные ящики из ближайшего продуктового магазина и было слегка нагажено. Жора оставил машину на единственном свободном пятачке во дворе: сам он жил в пятнадцати минутах ходьбы отсюда, так что потом вполне мог прогуляться до дома пешком.

Дверь в квартиру оказалась не заперта — впрочем, она редко закрывалась на замок. Откуда-то из глубин помещения доносилась приглушенная музыка и слышались голоса — видимо, там понемногу набирала обороты очередная вечеринка. Жора пошел на звук: как и следовало ожидать, гости собрались в самой большой комнате, которую хозяин гордо именовал «залом». Задернутые шторы создавали таинственный полумрак, а из брошенного прямо на полу двухкассетника лилась веселая попса в исполнении группы «Мираж». Кроме Жоры в гостиной обнаружилось еще пятеро: незнакомый толстяк с кудлатой бородой сидел на продавленной тахте, обхватив татуированными по локти лапами бутылку дешевого пива и с интересом поглядывая в сторону пары дамочек, о чем-то шушукавшихся в углу. Еще был худощавый лопоухий парень — он лениво ковырял пальцем россыпь кассет на столе, и старый знакомый, приятель Драндулевича по имени Шурик — уличный художник, пьяница и тунеядец. Его Жора поприветствовал взмахом руки.

— О, а вот и ты. Степана прихватил?

Драндулевич, внезапно появившийся откуда-то из прихожей, протянул растопыренную ладонь. Жора потряс его пятерню и тут же вложил в нее купленную по дороге бутылку «Разина».

— Как просил. Закусь не взял, извини, финансы поют романсы.

— Благодетель! — тряхнул своими вечно немытыми патлами Драндулевич. — Без жратвы как-нибудь обойдемся, а вот без спиртного жизнь, знаешь ли, утрачивает остроту и краски. Давай-ка я тебя лучше познакомлю с сегодняшним обществом. Это Толик…

Драндулевич указал рукой на бородатого толстяка и тот приподнял свою пивную бутылку в знак приветствия.

— Толик у нас музыкант и барабанщик. Шуру ты уже знаешь, а вон того чувака зовут Макс, он диджей, выступает в клубах. Тоже человек искусства.

Девушек Павлентий не представил: видимо, к искусству они никакого отношения не имели и присутствовали здесь исключительно для антуража, отчего отдельного внимания не удостоились.

— Ну, ты располагайся тут пока, я сейчас посуду принесу, — великодушно предложил Драндулевич. — Не из горла же пить?

Спустя минуту в руке у Жоры образовалась треснутая фарфоровая кружка, на дне которой плескалось граммов пятьдесят «Степана Разина». А на столе по соседству с кассетами появилась большая трехлитровая банка воды из-под крана, в которую Драндулевич щедро высыпал целый пакетик «Инвайта», отчего ее содержимое окрасилось насыщенным рубиновым колером. Хозяин вечеринки протянул еще одну кружку Толику, но тот мотнул бородой:

— Извини, братуха, я только пиво.

Зато Шурик с Максом, равно как и оставшиеся безымянными дамы, от водки не отказались.

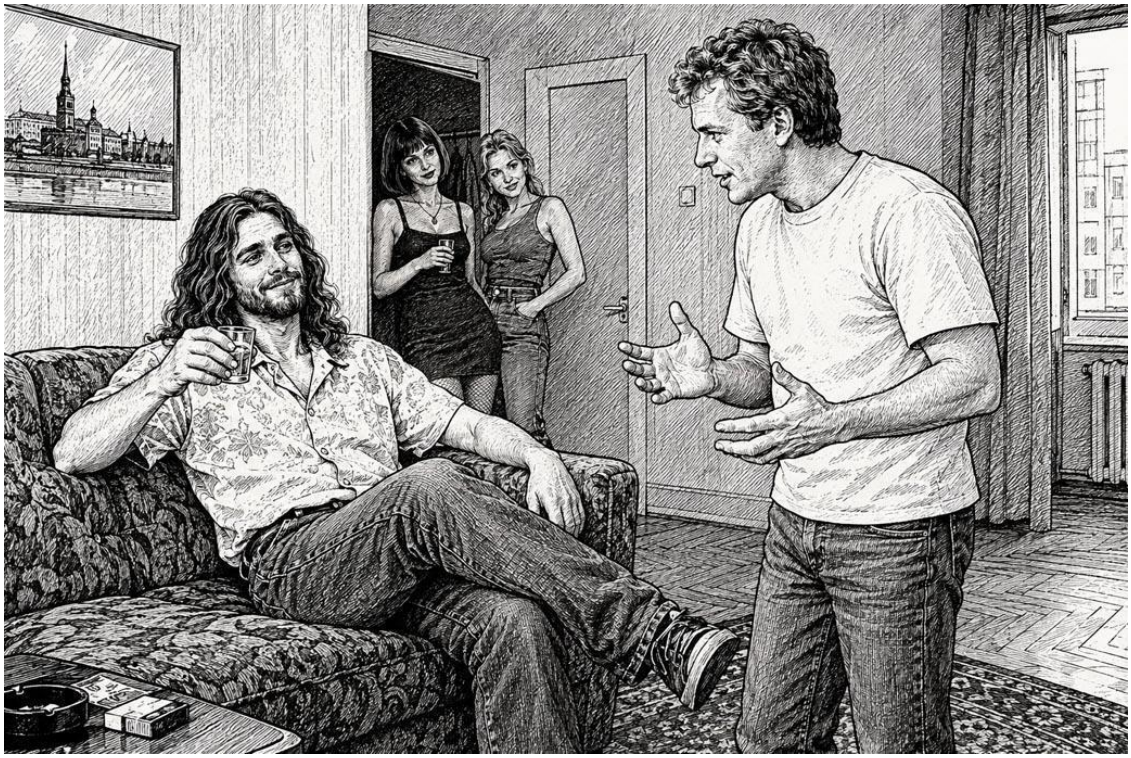
— Друзья! — в голосе Драндулевича прорезались те особые бархатные обертоны, которые появлялись обычно после первых пятидесяти граммов, хотя Жоре отчего-то казалось, что

в нем уже сидит как минимум полбутылки. — Я вот что скажу. У меня собираются особые люди. К примеру, обычные граждане — они что? Работают, копят, строят — а потом оглядываются и видят: пустота, и снаружи, и внутри. А мы…

Он обвёл кружкой присутствующих.

— А мы живем как умеем, но по-настоящему. Так выпьем за то, чтобы хорошие люди находились всегда, пока у нас еще хватает хорошего настроения!

Жора, задержав дыхание, опрокинул содержимое кружки в себя, и водка обжигающей волной покатилась по пищеводу.



— Отличный тост! — манерно закатив глаза, похвалила одна из дамочек и пригубила из своей посудины. — Павлентий, расскажите нам пожалуйста, а что это у вас за коллекция?

Девушка указала кружкой в сторону стеллажа со стеклянными дверцами, сплошь заставленного миниатюрными локомотивами и поездами ГДР-овской фирмы Piko. Об игрушечных паровозах, их разновидностях и масштабах Драндулевич мог рассуждать часами — этим он болел еще со школьной поры, потому лекция могла затянуться надолго. Так и вышло: Павлентий начал пространно повествовать о том, что за стеклянными дверцами скрывается целый волшебный мир, который при наличии желания и достаточного количества денег можно снабдить маленькими домами, мостами, перронами, шлагбаумами, семафорами и переездами. В подтверждение своих слов Павлентий кивнул в сторону шкафа, на котором громоздилась огромная диарама, оснащенная миниатюрными деревьями, железнодорожной платформой и панельной многоэтажкой из пожелтевшего пластика. Там имелся даже пологий холм, на котором паслись крошечные пластиковые овечки.

— Ой, а можно взглянуть поближе? — молитвенно сложила ладошки вторая девица. — Я ведь архитектор, и очень люблю такие вещицы!

— Разумеется, сударыня, — галантно шаркнул ножкой Павлентий. Беспомощно оглядев комнату в поисках стула и не обнаружив ни одного свободного, — единственный был занят тощей задницей диджея Макса, — он махнул рукой, и привстав на цыпочки, попытался стя-

нуть диараму со шкафа. Затея почти увенчалась успехом: кусок толстой фанеры, на котором была смонтирована конструкция, уже оказался у него в руках, но тут пьяненького Драндулевича предательски качнуло, и экспонат с грохотом рухнул ему на голову. Следом посыпались картонные коробки со старой обувью и полиэтиленовые пакеты, набитые каким-то тряпьем.

— Пластмассовый мир победил, — прокомментировал происходящее бородач Толик, — макет оказался сильней.

Когда всеобщий смех чуть затих, Драндулевич, ползая на карачках, собрал раскатившихся по полу овечек и водрузил остатки пасторального хозяйства обратно на фанерное основание. Он тяжело поднялся, отряхнул колени и уставился на искореженную диараму так, словно это были обломки его личной яхты, внезапно севшей на мель в полный штиль.

— Вот вы смеетесь, — обиженно сообщил он, — а ведь модель — это единственный честный способ понять реальность. Уменьшаешь все в тридцать раз — и сразу видно, где халтура, где столб кривой, где дорога никуда не ведет…

—А где человек лишний, — пробормотал Жора, сам не заметив, как произнес это вслух.

Все отчего-то притихли.

— Вот! — радостно воскликнул Драндулевич, ткнув в него пальцем. — Золотые слова! Лишний человек — это вообще-то серьезная проблема. В большой жизни он болтается, как говно в проруби, а в маленькой…

Павлентий наклонился над макетом и аккуратно снял с платформы крошечную фигурку.

— В маленькой его можно просто убрать.

Драндулевич поставил человечка на край стола, рядом с кружкой Жоры. Фигурка была размером с ноготь и изображала какого-то безлицего пассажира с чемоданом, настолько одинокого и неприкаянного, что Жора вдруг почувствовал к нему странную жалость.

— Верни его обратно, — сказал он, — человек поезда ждет.

— Его поезд давно ушел, — вздохнул Драндулевич, — там нечего больше ждать. В этом, друг мой, и заключается весь трагизм ситуации.

Музыка из двухкассетника перескочила на следующую песню, и веселое синтезаторное вступление вдруг показалось Жоре чем-то вроде условного сигнала. Плеснув в кружку еще немного водки, он стрельнул сигарету у барабанщика Толика, как раз собравшегося на лестницу подымить, и зашагал следом. Толик курил «North Star»: Жора не жаловал эти вонючие сигареты, но его личные запасы курева уже иссякли, так что выбора, по большому счету, не оставалось. Усевшись на грязный заплеванный подоконник, на самый его краешек, чтобы не испачкать джинсы, он щелкнул зажигалкой — именно в этот момент в дверях квартиры возник заметно повеселевший Драндулевич.

— Вот ты где! — воскликнул он. — А я тебя по всему дому ищу.

— Так я вроде и не прятался, — Жора выпустил в приоткрытое окно струйку дыма, — чего хотел-то?

— Слушай, ты как акула пера, лоцман информационного океана и летописец современности просто обязан обратить внимание на такой феномен в мире современной культуры!

С этими словами Павлентий извлек из кармана аудиокассету «RONEeS» в треснутом футляре и протянул ее Жоре.

— Это мои знакомые записали. Группа совсем недавно в Питер перебралась, и теперь ищет своего слушателя. Крайне, знаешь ли, необычно и самобытно звучат. И песни у них такие… В общем, послушай.

— Ты хочешь, чтобы я про них заметку сочинил? — догадался Жора.

— Ну, ты же в «молодёжке» работаешь, — с невинным видом пожал плечами Драндулевич, — а молодёжь любит эксперименты в искусстве. Я ни на чем не настаиваю. Если понравится — напишешь, нет — так нет. Только кассету потом верни.

Павлентий регулярно пытался припахать Жору к разным сомнительным мероприятиям, пользуясь его профессиональными возможностями, к чему тот уже давно привык. Впрочем, Жора и сам не брезговал задействовать бесчисленные знакомства и связи Драндулевича при каждом удобном случае, так что в этом отношении они определенно стоили друг друга.

— А ударник этой твоей группе случайно не требуется? — подал голос Толик.

— Поинтересуюсь при случае, — заверил его Павлентий, — но вроде бы, у них даже своей барабанной установки нет.

— А ты разве не играешь сейчас? — повернулся к нему Жора.

— Играю, — как-то немного стушевался толстяк, — но хочется сменить направление. Я так-то больше по тяжелому року угораю, ну, пожестче музон люблю, чтобы, значит, дисторшен там, фузз, ну ты понял. А сейчас приходится другую музыку исполнять, не для души, а чтобы форму поддерживать. У нас, профессиональных музыкантов, ведь как: с месяцок пофилонишь, потом навык заново восстанавливать приходится…

— Он в похоронном оркестре играет, — пояснил Драндулевич, — в тарелки лупит. Там-парам-парам-пам, дзынь! Очень важное и ответственное дело.

— Зато платят регулярно, — надулся Толик, — и наливают всегда. Надо ж чем-то заниматься, пока я постоянное место ищу? Группе — еще поди договорись, где выступить, чтобы заплатили. А на кладбище всё стабильно. Люди каждый день помирают, и всегда помирать будут.

Дверь квартиры снова распахнулась, и из нее высунулась взлохмаченная голова изрядно захмелевшего Шурика.

— Катастрофа! — с неподдельным трагизмом в голосе объявил он. — У нас водка кончилась.

— Так ты её всю и вылакал, — раздался за его спиной голос одной из барышень.

— Придется посылать гонца, — печально заключил Драндулевич, — сейчас объявим общий сбор средств, от каждого по возможностям, каждому по потребностям.

Жора залпом опрокинул в себя содержимое своей кружки и развел руками, всем своим видом показывая, что возможности у него сегодня весьма ограничены.

Пока Павлентий собирал с гостей дань, Шурик со свойственной всем художникам наблюдательностью отыскал припрятанную Толиком бутылку пива, заперся в сортире и осушил ее до дна, после чего там же и уснул. Закрытую изнутри на шпингалет дверь после долгих препирательств с Павлентием Толик высадил плечом — ему срочно потребовалось воспользоваться вероломно занятым помещением. За это время Макс успел завладеть вниманием обеих девиц, развлекая их историями из клубной жизни, что очень не понравилось вернувшемуся в зал Толику. В результате непродолжительных дискуссий было решено отправить за добавкой лопоухого диджея, а толстяк добровольно вызвался его сопровождать — видимо, опасался, что водку по пути постигнет столь же печальная участь, что и пиво, запасы которого он решил заодно пополнить.

Впрочем, доставленной этой делегацией бутылки «Московской» тоже хватило ненадолго, и в обществе стремительно созрела идея совершить третий вояж до магазина и обратно. К этому моменту Жора достиг того благодушного настроения, когда концентрация алкоголя еще не вызывала неприятных ощущений в организме, но пробуждала в глубине души желание немедленно обнять и расцеловать весь мир. Сам он называл это зыбкое состояние «недоперепил»: для закрепления успеха его внутреннему «я» немедленно требовалась добавка, хотя приглушенный водкой голос разума робко намекал откуда-то из глубин черепной коробки, что следующий глоток может уже плеснуть через край. Сомнения развеял монотонный писк пейджера: супруга интересовалась, когда Жора соизволит наконец явиться домой.

С Верой они были расписаны уже второй год, и за этот срок он прекрасно выучил, что в подобных вопросах жене лучше не перечить. Попрощавшись с веселящейся компанией, осо-

бенно с архитекторшей, игриво предлагавшей ему задержаться еще хотя бы на часок, Жора спустился вниз и проходными дворами свернул в переулок, а по нему выбрался на проспект.

Белые ночи еще не думали заканчиваться, да и время было не поздним, потому улицы по-прежнему заливал мягкий солнечный свет. Неподвижный вечерний воздух дышал теплом, настоянным на пыльном, сладковатом аромате тополей с пряной примесью отцветающей сирени. Мигала синими всполохами вывеска игрового зала «Вулкан» на углу, с рекламных тумб презрительно щурился ковбой в кожаной шляпе, рекламировавший сигареты «Мальборо». Торопиться домой совсем не хотелось. Жора подошел к круглосуточному ларьку-колокольчику, оценил сквозь наваренную поверх витрины стальную решетку ассортимент, и, собрав по карманам оставшуюся мелочь, взял пачку сигарет и бутылку третьей «Балтики». Его любимой «Магны» в продаже не оказалось, пришлось довольствоваться «Далласом».

Пиво он прикончил по пути, специально сделав небольшой крюк вокруг дома, и остановился во дворе под густой тенью клёна, чтобы жена не разглядела его в окно. Предстояло решить непростую дилемму: отправляться к себе, или все-таки еще разок прогуляться до ларька, чтобы взять дополнительную порцию. Вопрос серьезней некуда, поскольку известно: ни одна бутылка даже самого лучшего в мире пива не может доставить столько удовольствия, как две. Правда, в этом случае по пути придется завернуть в какой-нибудь укромный угол, поскольку «Балтика» уже настойчиво запросилась наружу…

— Молодой человек, бутылочку не выбрасывайте! — раздалось из-за спины.

Жора обернулся: чуть в стороне переминалась с ноги на ногу древняя старушка в выцветшем ситцевом платке, выжидательно глядя на него снизу вверх. Собиратели пивных бутылок порой ходили за поклонниками этого напитка толпой, устраивая меж собой неприличные разборки и ожидая окончания дегустации прямо тут же, на расстоянии нескольких шагов, чем неизменно портили пьющим настроение и аппетит. Промышляли этим и вот такие приличные с виду пенсионерки, и подопустившиеся мужички, а то и вовсе натуральные бомжи, жаждавшие выручить за сданную стеклотару копеечку.

— Забирайте, — протянул ей пустую бутылку Жора.

Пошарив по карманам, он пришел к неутешительному выводу: на пиво не хватит. Печально вздохнув, Жора протянул собранные монеты старушке, вызвав у той приступ благостных причитаний, и поплелся к парадной.

— Опять со своим Драндулевичем бухал? — Вера явно была не в настроении. — Сколько можно к этому бездельнику таскаться? Мёдом у него что ли намазано?

— Во-первых, Павлентий мой школьный друг, — вступился за бывшего одноклассника Жора, — а во-вторых, он мне помогает по работе.

— Зарплату пропивать он тебе помогает, — ворчливо парировала Вера, и, запахнув короткий халатик, ловко увернулась от поцелуя, — фу, от тебя какой-то бормотухой несет. Сегодня на кухне спишь!

Кивнув в знак согласия, — после походов к Драндулевичу его ссылали ночевать на кухню уже не в первый раз — Жора заглянул под крышку стоявшей на плите скороворо ды. От аромата жареной картошки у него закружилась голова и потекли слюни: только сейчас он понял, что ничего не ел уже как минимум полдня. Выключив телевизор, с экрана которого что-то рассказывал зрителям Иван Демидов в стильных черных очках, Жора поставил перед собой наполненную румяным картофелем тарелку, как вдруг в прихожей затрещал раненой сорокой телефон.

— Это тебя! — крикнула снявшая трубку Вера. — Как всегда, срочно!

Глава 3. Рекламная пауза

— Кто там? — спросил Жора с набитым ртом, уже, впрочем, догадываясь, кому пришла в голову идея позвонить в столь неурочный час.

— Мама твоя. Будешь говорить?

— Не буду.

— Вот сам ей об этом и сообщи, — отрезала Вера, грохнув о стол телефонным аппаратом на длинном, тянущемся из коридора шнуре. Рядом опустилась снятая трубка.

С матерью у Жоры отношения складывались непростые, и общаться с ней прямо сейчас он был не в настроении. Вырвавшись с окончанием школы из тюремных оков бабушкиной опеки, мать едва успела поступить в институт и заселиться в ленинградскую общагу, как ее подхватил и закрутил могучий вихрь юности и полной, неведомой доселе свободы. Вихрь этот пронес ее через первую встречу с однокурсниками в кафе-мороженом, сквозь поездку на картошку с неизбежной сельской романтикой, парным молоком, горьким самогоном и песнями под гитару у ночного костра. А потом вернул на грешную землю абсолютно счастливой и слегка беременной. Соавтор нечаянного колхозного зачатия отчего-то воспринял идею стать отцом в девятнадцать лет без особого энтузиазма, и, успешно завалив первую же сессию, отправился на поиски себя вслед за дождями и туманами. Появившийся на свет спустя девять месяцев Жора так его никогда и не увидел. Однако юная роженица тоже не испытывала ни малейшей радости от своего нового положения: она искренне считала, что жизнь еще только-только начинается, и портить ее заботами о розовом орущем свертке, который всего и умеет, что будить ее по ночам и гадить под себя, было бы крайне неразумно и несправедливо. Потому, спихнув маленького Георгия заботам бабушки, она восстановилась в институте и принялась усиленно налаживать личную жизнь.

Жизнь, правда, отчего-то никак не налаживалась, все больше подтверждая мамину догадку о том, что корень «лажа» закрался в это слово неспроста. Юношей-сверстников по необъяснимым причинам совершенно не интересовали красивые девушки с бесплатным приложением в виде чужого ребенка, а солидные мужчины в возрасте, относившиеся к этому явлению чуть более благосклонно, в свою очередь не привлекали маму. Накопившуюся обиду на несправедливость вселенной она вымещала на собственном отпрыске, регулярно лупя сына всем, что подвернется под руку. Повод находился всегда, но чаще его и не требовалось вовсе. Жора прятался от свистящего ремня или оставляющей на теле черно-синие синяки деревянной вешалки то под столом, то под диваном, считая тягучие секунды до того момента, когда мать наконец выдохнется и пытка прекратится. Бабушка всякий раз отчаянно бросалась на его защиту, но получалось у нее это далеко не всегда. В ту пору Жора сделался постоянным гостем в травмпункте при районной детской поликлинике. Приводя его туда то с разбитыми в кровь губами, то с лиловой шишкой на лбу, бабушка всякий раз стыдливо прятала глаза и сетовала на скользкую лестницу, крутую горку, неисправные дворовые качели и врожденную неуклюжесть этого непоседливого ребенка. Озвучивать истинную причину визитов к докторам внуку категорически запрещалось под страхом еще более суровых наказаний. Закончилось это лишь тогда, когда в возрасте лет примерно двенадцати Жора однажды дал сдачи. Больше мать его не била, но и отношения у них с тех пор так и не наладились.

— Да? — ответил он, прижав холодную трубку к уху плечом.

— Манда, — в рифму прохрипел динамик, — ты когда мой карниз повесишь? Три недели назад еще просила.

С некоторых пор мать воспринимала его исключительно в качестве бесплатной рабочей силы, которая обязана была являться по первому ее зову среди дня или ночи. Наличие собственных забот или отсутствие свободного времени в качестве аргументов не принимались.

— Дай-ка подумать, — произнес Жора, запихивая в рот порцию подостывшей картошки, — ответ «никогда» тебя устроит?

— Не устроит. Ты должен был приехать еще в позапрошлые выходные, когда карниз отвалился и половину горшков с цветами мне побил.

— Я тебе ничего не должен.

— Поговори мне тут, сволочь такая. Я тебе родная мать, между прочим! Никакой пользы от тебя! Лучше бы я тогда аборт сделала…

Жора швырнул трубку на рычаг — подобные потоки брани он выслушивал от этой женщины с самого детства, и в общем-то, давно к ним привык. Но настроение окончательно испортилось. Доев ужин и сполоснув тарелку в раковине, он пролистал по кругу телевизионные каналы, так и не задержавшись ни на одном. На первой кнопке президент Ельцин что-то вещал с трибуны, отмеряя слова резкими движениями руки, на соседнем канале Лёня Голубков убеждал брата-алкаша, что он не халявщик, а партнер, и грозился купить жене сапоги, по третьему рекламировали соус «Анкл Бенс» в банках с самодовольным негром на этикетке. Смотреть было нечего, возиться с недописанным гороскопом совершенно не хотелось, потому Жора выключил говорящий ящик и завалился спать на кухонную кушетку, укрывшись пледом.

Утро заглянуло в дом из приоткрытого окна звонким птичьим щебетом, разлив по подоконнику густое золото солнечного света. Жора оторвал тяжелую голову от подушки и с трудом разлепил глаза. Верка уже умотала на работу, в квартире раздавалось лишь тихое шарканье старых часов на стене, да стук капели о жестяную раковину. К ней Жора и направился: во рту пересохло, как в африканской пустыне, а опухшая башка гудела, будто церковный колокол.

Запихнув в себя свежеприготовленную яичницу и залив её кружкой растворимого кофе «Пеле», Жора запихнул необходимые вещи в наплечную сумку, нацепил на пояс пейджер, прихватил кассетный плеер и выбрался из пахнущего сыростью подъезда на улицу. На подоконнике первого этажа вновь лежала неопрятная куча мятого тряпья, которую время от вре-

мени раскладывала тут соседка Люся. Эта женщина неопределенного возраста искренне считала себя многодетной матерью-одиночкой, хотя воспитывала всего двух оболтусов, и по этой причине регулярно выпрашивала у родственников и знакомых неимоверное количество ношеной одежды. Коллекция барахла пополнялась также за счет гуманитарной помощи, которую чрезмерно активная Люся выбила в районной администрации. Переварить такое количество одежды её скромное семейство оказалось не в состоянии, отчего излишки регулярно вырастали неопрятной кучей на общественном подоконнике. Выносить ненужное тряпьё на помойку Люся категорически отказывалась, надеясь, что его приберут для своих нужд соседи. Попытки вразумить барахольщицу ни к чему не приводили: Люся искренне полагала, что делает благое дело, и в ответ на любые замечания норовила затеять скандал.

В редакцию Жора решил ехать на метро — хорошая погода буквально манила прогуляться до ближайшей станции пешком и немного проветрить мозги, а машина пускай постоит во дворе до вечера.

Возле «Гостинки» по обыкновению толпился народ. У подземного перехода выстроились рядком бабушки с сигаретами, домашними соленьями, зеленью и вязаными носками, разложив свой нехитрый товар на газетках и ветхих фанерных ящиках, а то и просто на асфальте. Интеллигентного вида старушка, похожая на школьную учительницу математики, торговала книгами: Жора разглядел черно-белую полосатую обложку «Тарзана» с суровым качком на желтом фоне, а еще Чейза в мягком переплете. Чуть поодаль ряженые казаки в папахах и бурках под черно-желто-белым имперским стягом раздавали прохожим листовки, что-то неразборчиво выкрикивая им вслед. Казакам вторили анархисты, кучковавшиеся возле угрюмого мужика с черным знаменем в руках, а коммунисты под знакомым красным флагом толпились чуть в стороне. Перед ними переминалась с ноги на ногу усталая женщина с рукописным плакатом на груди: «Помогите русским беженцам в России!». В последнее время из бывших союзных республик на историческую родину и впрямь хлынул поток переселенцев, внезапно ставших там нежеланными и чужими. Только и здесь, как быстро выяснилось, они оказались никому не нужны. Неприкаянные русские мигранты маялись без работы и денег, атакуя районные центры занятости и вызывая брезгливое недовольство у местных, которым тоже катастрофически не хватало и того, и другого.

Под сводами подземного перехода бренчала расстроенная гитара. Миновав рассевшуюся прямо на ступенях стайку молодежи в «хайратниках» и кожаных напульсниках с шипами, Жора выудил из кармана кассету, которую накануне всучил ему Драндулевич, вставил ее в свой «Walkman» и нажал «Play». На мгновение он даже сбился с шага, настолько зазвучавшая в наушниках музыка была ужасна и в то же время притягательна своей бездарной простотой. Музыканты профессионально владели тремя-четырьмя аккордами, и, видимо, считали, что для самореализации этого более чем достаточно. Вокалист попадал в ноты через раз, а от его рифм у Жоры буквально зашевелились волосы на затылке:

Утром вышел я из дома,
Было где-то полвосьмого.
На асфальте голубь серый
Что-то кушал у ларька.
Я пошёл купить сметаны,
Колбасы и два банана,
И пакет большой зелёный
Взял бесплатно у окна…

Выключив этот ужас, Жора подумал, что и вправду хотел бы лично встретиться с автором столь самобытного шедевра — просто чтобы посмотреть ему в глаза. Он мельком глянул на пластиковый футляр: на картонном вкладыше кривоватым почерком Павлентия было выведено название коллектива: «Третий Подъезд». Сменив кассету, Жора запустил плеер снова. На контрасте с только что звучавшим дворовым блатняком мелодичные гитарные рифы совсем недавно появившейся группы, которую записал для него коллега по перу Лёня Грачонок, воспринимались будто переливы райской арфы. Вокалист не пытался подвывать или перекрикивать аккомпанемент, а музыканты, похоже, умели держать в руках инструменты, хотя сама запись своим качеством намекала на то, что сделана она где-то на коммунальной кухне при помощи магнитофона «Соната». «Катится автобус по вечернему городу, я гляжу в окно, я получаю информацию»…

Под протяжную «В старинном городе Обломове…» Жора опустил жетон в жерло турникета и шагнул на эскалатор.

В редакции со вчерашнего дня решительно ничего не изменилось: казалось, время здесь замерло и застыло, точно на старой выцветшей фотографии за пыльным стеклом. Жора уселся перед ближайшим свободным компьютером и уже собрался было отправить в голодное чрево дисковода пятидюймовую картонную дискету, как вдруг из дальнего офисного угла донесся окрик Кости Пелетина, в котором он различил собственную фамилию. Вздохнув, Жора отправился на зов.

Костик что-то сосредоточенно набирал на клавиатуре, и на его челе запечатлелось глубочайшее душевное страдание утонченного музыкального критика, которому во время прослушивания очередной великолепной сюиты случайно уронили на голову фортепьяно с оркестром.

— Звал? — на всякий случай уточнил Жора.

Костя кивнул и молча махнул рукой куда-то в сторону сиротливо стоявшей у соседней стены корзины для бумаг. Оглядевшись, Жора отставил в сторону любезно положенный кем-то на сиденье ближайшего стула кактус, сел и выжидательно уставился на Пелетина.

Кактусы были далеко не единственным, но наиболее навязчивым заскоком шефа. Они росли буквально повсюду: на подоконниках и письменных столах, на шкафах и мониторах компьютеров. Рекламодатели и многочисленные партнеры прекрасно знали об этом тихом помешательстве Евгения Максимовича, и потому регулярно пополняли его коллекцию новыми колючими жемчужинами. В благодатной атмосфере редакции кактусы множились и плодились, постепенно вытесняя из рабочих помещений персонал. В меру своих скромных сил сотрудники боролись с зелеными насаждениями всеми доступными современной науке методами: понемногу раздаривали их друзьям и знакомым, выносили на улицу и оставляли посреди тротуара на наиболее оживленных перекрестках, а жестокий и бездушный Лёня Грачонок однажды вылил в горшок с кактусом целую бутылку купленного в соседнем ларьке лимонада "Апельсиновое чудо", надеясь, что несчастное растение отравится и его проберет икота. Но кактусы не сдавались. Затаившись по углам офиса и переждав очередной период активности млекопитающих, они незамедлительно переходили в наступление, появлялись в самых неожиданных местах и подло нападали на беззащитных людей в темное время суток.

Парируя робкие возражения подчиненных, Евгений Максимович не уставал повторять, что кактусы нейтрализуют генерируемое мониторами электромагнитное поле, поглощают углекислый газ, украшают интерьер, и вообще гармонизируют атмосферу в редакции, поскольку зеленый цвет положительно влияет на нервную систему и способствует выработке корой головного мозга желудочного сока. Хотя Жора всегда был уверен, что единственную реальную пользу из кактуса можно извлечь только в одном случае: если аккуратно нарезать его при помощи перочинного ножа тонкими ломтиками, посыпать укропом и подсунуть какому-нибудь коллеге за обедом в комплект к стопарику вместо огурца.

– Чего хотел-то? — нетерпеливо напомнил о себе он.

Костик оторвался от писанины, сложил ладони домиком и устремил задумчивый взор куда-то вдаль, поверх Жориной головы.

— Тут один московский коммерсант образовался, – после некоторой паузы вкрадчиво поведал он, — техникой вроде какой-то торгует. Решил расширить свой бизнес на северную столицу и позвонил нам. Надо с ним пообщаться.

— Рекламой что ли интересуется? — сразу угадал истинную тему разговора Жора.

— Ага, — кивнул Костик, — Хорошо бы обсудить с ним разные варианты сотрудничества… Ну, ты понял.

Жора понял. У всех выходивших в конторе изданий имелся собственный прайс-лист на рекламные размещения в виде модулей. Модули составляли определенную долю журнальной или газетной полосы: чем больше места, тем дороже. Выше всего реклама ценилась, разумеется, на первой или последней странице, на обороте журнальной обложки, а еще в «подвале» под статьями, подальше от сплошь забитой пёстрыми модулями полосы, которую сотрудники редакции называли промеж собой «братской могилой».

Официально переговоры с представителями бизнеса должна была вести менеджер по рекламе, она же секретарь издательства и при необходимости верстальщица Лида Николенко, но, совмещавшая сразу несколько должностей Лидочка была вечно завалена работой, потому общение с рекламодателями перекладывали на всех свободных сотрудников без разбору. За каждый заключенный договор им даже полагалась небольшая премия, но Жора быстро смекнул, что на этом можно заработать гораздо больше. Предложенную им схему они с Пелетиным проворачивали неоднократно, а прибыль делили между собой. Костик говорил, что регулярно отстегивает некий процент Евгению Максимовичу, без ведома которого подобные финты были бы попросту невозможны. Но, зная принципиальность главреда, Жора сомневался, что тот имеет в их бизнесе долю. Скорее, просто закрывает глаза на шалости подчиненных, позволяя им немного смухлевать. Единственный, кто по-настоящему терял на этом деньги — это учредитель и владелец издательства Геннадий Митрофанович Кононов, но тот в операционную деятельность собственной фирмы практически не вмешивался и вообще появлялся в редакции пару раз в месяц на полчаса. В общем, его проблемы Жору волновали в самую последнюю очередь.

— Давай цифры, — он достал из кармана блокнотик и ручку, готовясь записать телефон. Костик продиктовал семизначный номер, начинающийся на девятку — явно сотовый.

— Зовут Евгений, — пояснил он, — прямо сейчас ему набери, а то куда-нибудь в «Триумф» смоется.

— Замётано, — заверил Пелетина Жора и отправился к стоящему на облюбованном им сегодня столе телефонному аппарату.

Евгений ответил после второго гудка и сразу же назначил встречу в ресторане на Московском проспекте, недалеко от станции метро «Электросила». Жора взглянул на часы: чтобы успеть, нужно было отправляться на рандеву уже минут через десять. Гороскоп снова откладывался.

Ресторан располагался на первом этаже какого-то административного здания, как и многие другие подобные строения, спешно переоборудованного в новомодный бизнес-центр. Шагнув в мраморный вестибюль, словно в мавзолей, Жора смекнул, почему ему забили стрелку именно здесь: похоже, московский бизнесмен арендовал тут офис, и чтобы добраться до места рандеву, ему требовалось всего лишь спуститься вниз на лифте.

Зал был практически пуст: Жора занял ближайший свободный столик и сообщил ринувшемуся было к нему официанту, что ждет еще одного посетителя. С заказом он не спешил: денег со вчерашнего дня в карманах не прибавилось, и Жора очень рассчитывал, что эта беседа поможет ему хоть немного поправить финансовое положение.

Евгений опоздал минут на двадцать — Жора уже успел слегка занервничать — и на состоятельного коммерсанта по своему экстерьеру оказался совершенно не похож. Вместо традиционного для людей этой профессии малинового, или, на худой конец, зеленого клубного пиджака с позолоченными пуговицами тот носил небрежно заправленную в джинсы футболку, поверх которой красовалась аляповатая безрукавка на пластмассовых пуговицах. Максимыч всегда учил Жору: хочешь оценить финансовое положение человека, внимательно смотри на его обувь и часы. В часах Жора почти не разбирался, но эту модель мгновенно узнал: на руке бизнесмена болталась электронная «Монтана» на шестнадцать мелодий, — в точности такую же у него самого спёрли в пионерском лагере лет восемь назад. Гардероб довершали стоптанные турецкие кроссовки «Атлетик». В целом московский гость напоминал скорее не зубастую акулу капитализма, а торговца-челнока с Апраксина рынка, коих Жора насмотрелся за свою жизнь в товарном количестве.

— Женя, — протянул руку вошедший и сходу перешел на «ты», — извини, что задержался, мы только открываемся, дел невпроворот.

— Георгий, можно Жора, — представился в ответ он, — ничего страшного, я не тороплюсь.

— Давай по водочке? — предложил Женя, — За знакомство. Заодно и дела обсудим, чтоб не на сухую.

Жора откопал в памяти когда-то публиковавшуюся в «молодёжке» табличку с порциями алкоголя и временем, которое должно было пройти с момента возлияния до относительно безопасной посадки за руль. Если оприходовать стопочку, до вечера должно выветриться. С одной стороны, можно бы и воздержаться, с другой в России все без исключения важные дела решаются исключительно через стакан, а с этим коммерсом нужно как-то налаживать контакт, глядишь, чего из этого и выйдет. А не выйдет, так хоть выпить на халяву…

— Если за знакомство, то не откажусь, — кивнул он.

Евгений распорядился, и на столе через короткое время образовался запотевший графинчик «беленькой», кувшин с морсом, тарелка с сырной нарезкой и слегка обветренные бутерброды со шпротами.

— Ну, вздрогнули, — скомандовал он.

Жора опрокинул в себя ледяное содержимое стопки, занюхал ее шпротиной и с нескрываемым удовольствием вонзил зубы в ароматный масляный хвостик балтийской рыбешки. Когда водка немного улеглась, он достал из сумки заранее припасённые прайс-листы и протянул их Евгению.

— По поводу рекламы, — пояснил он, — у нас есть несколько изданий с разной аудиторией. Распространяемся преимущественно в розницу, подписной модели нет. Вот тут цены на размещение в условных единицах, там, внизу, тиражи указаны.

Женя внимательно просмотрел прайсы и, хмыкнув, отложил их в сторону:

— Я бы сказал, не даром.

— Ну, есть ещё альтернативный вариант, — осторожно начал Жора. — Например, я могу написать для заказчика большую статью на целую полосу или даже разворот. Рассказать о вашем бизнесе, о товарах, услугах. Контакты мы в статье указывать не будем, чтобы нас за это не прихватили, а вот название фирмы в тексте пару раз между делом упомянем. Потом вы покупаете небольшой рекламный модуль с адресом и телефоном, который мы разместим непосредственно под статьей. Его вы официально и оплачиваете издательству, либо в кассу, либо по безналу. А за саму статью, так сказать, можно отблагодарить автора лично…

— Цена вопроса?

— Договорная.

— Блин, а ты шаришь, как я погляжу, — хохотнул Евгений, — не хочешь ко мне в менеджеры пойти? Мне нужны такие вот люди, у которых котелок варит в правильном направлении. Давай-ка еще по одной!

Поднимая вторую стопку, Жора с тоской подумал, что поездка на машине сегодня накрылась медным тазом. Да и черт с ней, в конце концов: водка уже включила в его голове крошечный атомный реактор, начавший азартно генерировать интересные творческие идеи.

— Так а что за бизнес у вас? — поинтересовался он. — Если мое предложение подходит, предлагаю обсудить тему для статьи. А если возьмем сразу несколько изданий, то договоримся на более выгодных условиях. Можно выпустить серию материалов, адаптированную под разную целевую аудиторию. Плюс у меня связи в других издательствах имеются, есть шанс похожим образом и туда зайти…

— Да ты не мороси, ты пей, закусывай, — отмахнулся Евгений. — А бизнес… Хороший у меня бизнес. Сейчас допьем и покажу. Мой офис на третьем этаже, прямо в этом здании, сам всё увидишь.

Глава 4. «Моторола»

Женя пил так, словно мстил алкогольной промышленности за тяжёлое детство. После первого графина без какой-либо паузы на столе материализовался второй. Спустя час собеседники уже достигли той степени духовной близости, когда пора либо драться, либо открывать совместное предприятие. В этот момент Евгений вдруг поднялся на уже не совсем твердые ноги и широким жестом пригласил Жору следовать за собой.

Они поднялись на лифте на третий этаж, прошагали по безлюдному коридору, чем-то напоминающему коридор студенческой общаги с вытертым линолеумом и слегка обшарпанными стенами. Женя уверенно прошёл вдоль вереницы одинаковых дверей, звякнув связкой ключей, отпер одну из них и щелкнул выключателем. Глазам Жоры представился тесный офис без окон, сплошь заставленный картонными коробками почти до самого потолка. Посреди этого великолепия громоздился стол, тяжелый сейф и два стула. Для полноты картины не хватало только портрета Дзержинского на стене и вороненого маузера в потрепанной деревянной кобуре — вещи на деловых переговорах незаменимой.

— Мобильники, Жора! — победно провозгласил Евгений. — Левый импорт. Без таможни, потому что таможня — это коварный синтетический барьер на пути технического прогресса. Мои парни везут их в чемоданах со всей Европы под видом личных трусов и бабских лифчиков. Я завоюю этот город, дружище, как завоевал столицу. Ваши питерские барыги быстро поймут, что нельзя делать серьезные деньги, если у тебя нет под рукой надежного средства связи.

На самом деле Женя слегка преувеличивал свой международный масштаб, о чем по секрету сам же и поведал Жоре где-то посередине второго графина. Вся его транснациональная корпорация ещё неделю назад ютилась на Митинском радиорынке в Москве, между палаткой с аудиокассетами и мужиком, торговавшим паяльниками. Но Москва Жене надоела. Там у всех уже были или мобильные телефоны, или пистолеты, или комплект из того и другого. А Петербург манил неохваченной интеллигенцией, которой тоже хотелось казаться бандитами, хотя и последних тут хватало в избытке.

— Напиши об этом, Жора. Назови статью «Труба зовёт». Или «Трубы горят». В общем, как-нибудь красиво. И продиктуй-ка мне свой номер на всякий случай, чтоб не потеряться.

Озвучивать подвыпившему коммерсанту свой домашний телефон Жора посчитал неразумным, и потому назвал номер редакции.

— Это городской что ли? — скривился Евгений. — Сотового нет?

— Откуда у меня сотовый? — пожал плечами Жора. — Я же не новый русский.

— Я тоже, — усмехнулся Женя, — до нового русского мне еще пахать и пахать, а для старого еврея я пока что возрастом не вышел. Но, тем не менее, сотовый у меня есть. Погодика…

Он нырнул куда-то в нагромождение коробок, немного повозился там, и вскоре вынырнул, сжимая в руках темно-серый пластиковый кирпич с черными кнопками и выдвижной антенной-пуговкой.

— На вот, держи.

Жора благоговейно сжал в ладони горбатый шершавый корпус, провел пальцем по казавшимся игрушечными клавишам, по крошечному индикаторному дисплею, над которым красовалась аккуратная надпись «Micro T-A-C».

— «Моторола», — пояснил Женя,— простая и надёжная, как танк. Аппарат бэушный, но вполне рабочий, подключен к местной сети Fora. Первые десять секунд бесплатно, потом от десяти центов в минуту. Ща, погоди…

Он покопался в коробках еще, после чего выудил оттуда похожую на утюг зарядную станцию и запаянную в пластик желтовато-зеленую карточку с надписью «разрешение на право пользования радиотелефоном». Жора припомнил, что без этого важного документа любой мент мог запросто отобрать у обывателя мобильник, для ношения которого требовалась такая вот официальная лицензия, как на охотничье ружьё или газовый ствол.

— Лично тебе отдам со скидкой, за восемьсот баксов, — понизив голос, заговорщицки предложил Евгений. — Чисто по-братски.

— У меня денег нет, — Жора с сожалением протянул «моторолу» обратно.

— Нету денег – в жопу веник, и представь, что ты павлин. Давай тогда считать это предоплатой. Выполнишь работу хорошо — мобила твоя, попытаешься соскочить или кинуть — хозяин твоего издательства узнает, что ты гонишь левак мимо кассы. Ну и номер твой у меня теперь есть, так что разыщу тебя без проблем, если понадобишься. По рукам?

— По рукам, — не раздумывая, согласился Жора. Внутри его затуманенной алкоголем головы завыла было сирена здравого смысла, намекавшего на то, что Пелетину придется чем-то платить за размещение этой рекламной нетленки, а вожделенный телефон — всего один. Но плескавшаяся в мозгу водка ласково шептала, что проблемы нужно решать по мере их поступления, а лучше не решать их совсем. Завтра будет новый день. Может, правительство отменит мобильники, или Женю закопают в лесу конкуренты. А может, на следующее утро внезапно окажется, что всё случившееся — просто странная галлюцинация на фоне дефицита витаминов.

— Ну вот, — обрадовался Евгений. — Теперь ты — часть мирового технологического прогресса. Иди, Жора. Неси свет цивилизации в темные умы читательских масс. И помни: твоя антенна должна быть всегда направлена в сторону финансового успеха!

Женя был доволен. Его бизнес-империя только что приросла новым активом: журналистом, который еще не понял, что именно продал. Причем на это ценное приобретение даже удалось не потратить ни копейки живых денег.

Возвращаться в редакцию совершенно не хотелось. Ноги сами несли Жору куда-то мимо витрин, в которых отражался довольный собою молодой мужчина с мечтательной, почти просветленной улыбкой на лице. Сковывавшие его разум внутренние тормоза слегка ослабили хватку, и душа воспарила над серым асфальтом, будто Карлсон, которому заменили чахоточный пропеллер на мощную реактивную турбину. Жора привык сомневаться в себе, в своих способностях и даже, чего уж греха таить, в собственных текстах. Бабушка и мать с детства убеждали его, что журналистика — не профессия, и чтобы добиться на этом поприще хоть каких-то успехов, надо обладать недюжинными способностями, а у такого бездаря, лодыря и разгильдяя как Жора никогда ничего путного не выйдет. Не стоит даже пытаться: лучше снять розовые очки и смотреть на жизнь трезво.

В трезвой версии жизни родственники видели его инженером или менеджером, в общем, человеком, занятым каким-нибудь более приземленным делом, которое приносило бы пусть небольшой, но постоянный доход. В журналистику Жора подался вопреки, хотя бы для того, чтобы доказать самому себе право выбора. Но выученные сомнения и рефлексии никуда не делись. Исчезали они лишь на время, и только под действием волшебного эликсира, состоящего из двух атомов углерода, шести атомов водорода и одного атома кислорода.

Жора представлял, как сейчас придет домой и напишет нечто великое. Не просто статью про мобильные телефоны, от которой у главреда отвиснет челюсть, а настоящий манифест технической революции. Шедевр, что вывернет сознание читателей наизнанку и оставит в таком состоянии до конца тысячелетия. Он уже видел этот текст, ощущал его, представлял каждую его букву и строчку. Вот только действие целебного снадобья из двух запотевших графинов к тому времени может уже ослабнуть. А значит, нужно непременно добавить.

С этой мыслью Жора подрулил к пришвартованной у забора серой металлической коробке с решетками на окнах-бойницах, из-под которой тянуло извечной аммиачной кислятиной. Среди пестрых пачек курева, жвачек «Turbo» и выстроившихся рядами пивных бутылок взгляд зацепился за алюминиевые бочёнки емкостью 0,33 литра, наполненные водкой нескольких сортов. Он пошарил по карманам: прихваченной из дома мелочи едва хватило на баночку «Black Death», с черного бока которой скалился череп в щегольском старомодном цилиндре. Вместо сдачи Жора попросил одну сигарету L&M, что продавались поштучно. Продегустировать покупку он решил в соседнем со своим домом дворе.

Здесь, под сенью старого тополя, сиротливо гнил ржавый остов лупоглазого четыреста седьмого «Москвича», который уже лет пять стоял возле помойки как памятник советскому автопрому и человеческому равнодушию. Местные гопники прозвали его «Кафе “Москвич”», потому что в нем регулярно бухали, курили, играли в карты и один раз даже, по слухам, кто-то занимался любовью, хотя Жора считал это событие маловероятным в силу общей неприглядности и загаженности сего культурного заведения.

Внутри пахло мокрым поролоном, табаком, старым железом и еще какой-то неистребимой автомобильной тоской. На заднем сиденье валялась пустая пачка из-под «Примы», мятая газета «Спид Инфо» и один ботинок, происхождение которого вызывало серьезные философские вопросы. Жора с хрустом открыл банку «Черной смерти» и сделал большой глоток. Водка оказалась тёплой.

Во дворе орали дети, какая-то бабка в застиранном домашнем халате выколачивала бадминтонной ракеткой развешанный на турнике половик. Два мутных подростка в спортивных штанах, воровато озираясь, протопали в направлении утонувшей в зарослях шиповника облезлой беседки. Жора закурил и задумался.

Вообще, если посмотреть объективно, все складывалось не так уж и плохо. Да, зарплату в газете платили от случая к случаю. Да, кроссовки промокали даже в сухую погоду, а домашний холодильник содержал только банку горчицы, половину луковицы и вечную мерзлоту в морозильнике. Зато у него теперь был сотовый телефон и бизнесмен Женя, с которым все-таки стоило наладить взаимовыгодные отношения.

Жора сделал еще один глоток и окончательно размяк душой. Нет, а ведь действительно. Редакция — это призвание, но призвание на хлеб не намажешь. Будущее за рекламой, и Жора уже почти видел себя в этом самом будущем. Сидит он, значит, в огромном кабинете. На столе — компьютер. Настоящий, не какой-нибудь «Ленинград», а импортный, с мышкой. Секретарша приносит кофе, телефон звонит непрерывно. «Георгий Анатольевич, — говорят в трубке взволнованные люди, — срочно нужен материал для российского представительства “Моторолы”!». Вот это и есть настоящая жизнь: достаток, карьера, уважение… Жора мечтательно выпустил дым в разбитое окно «Москвича». На самом дне банки оставался последний глоток.

Домой Жора пришел в состоянии глубокой задумчивости, которая обычно наступала у него после изрядной дозы алкоголя и томительных размышлений о собственной судьбе. Подъезд встретил его привычным запахом кошек, сырости и чьих-то вчерашних котлет, из-за обитой вагонкой соседской двери приглушенно орал телевизор. Он достал ключ и отпер дверь. Из кухни сразу донесся голос Веры:

— Это ты?

— Нет, — громко ответил Жора, — это программа «Поле чудес» с Владиславом Листьевым.

Он спешно разулся и прошел на кухню. Вера стояла у плиты в старой футболке с выцветшими ромашками и что-то деловито перемешивала в кастрюле. Вид у нее был усталый и заранее недовольный.

— На барабане сектор «приз»! — торжественно произнес Жора и выложил мобильник на стол.

Вера взглянула мимоходом, затем скользнула взглядом по довольной физиономии мужа, отвернулась и положила поварешку в раковину.

— Это что? — очень спокойно спросила она.

Жора сразу насторожился. За полтора года семейной жизни он неплохо изучил этот тон, не суливший решительно ничего хорошего.

— Телефон, — осторожно ответил он. — Сотовый.

— Я вижу, что не пылесос.

Жора решил не терять наступательный темп:

— Между прочим, я его заработал. Ну, почти. Кое-что еще предстоит сделать, но я с этим справлюсь.

— Господи… — сказала Вера таким голосом, будто только что узнала о скором падении на нашу планету гигантского астероида. Жора тем временем воодушевлялся все больше:

— Я сегодня познакомился с одним очень интересным человеком, и он предложил мне сотрудничество в области рекламы. Ты понимаешь, какие это сулит перспективы? Реклама — наше будущее! Вся Америка на этом живет!

— Америка живет не на этом, — мрачно ответила Вера. — Америка живет потому, что у них мужики каждый день водку не жрут.

— Это часть творческого процесса.

— Это часть начинающегося алкоголизма.

Жора решил пока не спорить.

— В общем, — продолжал он, — Женя сказал, что я человек с головой. Что я умею работать со словом.

— Лучше бы ты с деньгами умел работать, — вздохнула Вера. Она ткнула пальцем в «Моторолу»:

— Сколько это стоит?

Жора замялся. Вообще-то точную цену он знал, и цена эта вызывала у него легкое головокружение.

— Ну… — осторожно начал он. — Это инвестиция в будущее.

— Жора, сколько?

— Примерно как три холодильника.

На кухне повисла тишина, даже кастрюля, казалось, перестала булькать на плите.

— Три… чего? — переспросила Вера. — Жора, у нас дома есть нечего.

— Ну зачем ты утрируешь?

— Я утрирую? Загляни в холодильник. Он у нас пока один, точно не ошибешься.

— Верунчик, это временные трудности…

— У тебя вся жизнь временные трудности.

— Зато у меня потенциал!

— Потенциал у тебя тоже скоро стоять перестанет, если не прекратишь так бухать. Иди руки вымой и переоденься, а то от тебя несёт, как от бомжа.

Жора обиженно поплёлся в ванную. Спать ему, судя по всему, сегодня опять предстояло в одиночестве.

В «Триумф» он все-таки решил ехать на машине, предусмотрительно сжевав два найденных в недрах кухонной полки «антиполицая». Адское зелье хранилось в желтой картонной коробочке с изображением длинноногой особы в странной синей форме, напоминавшей скорее спецодежду профессиональной работницы борделя. Пастилки оказались приторными и мерзкими на вкус, но зато напрочь отбили стойкий запах вчерашнего перегара. Накануне, укладываясь на боковую, Жора совершенно забыл поставить свой новообретённый телефон на зарядку, но сегодня все равно прихватил его с собой — расставаться с «Моторолой» он теперь не желал даже на минуту.

В редакции «За гранью закона» его уже ждали. Саша деловито перекладывал из одной коробки в другую стопки журналов, рядом топтался небритый мужик лет сорока с фотоаппаратом на пузе, разложив перед собой на столе несколько разномастных объективов. Мужик определенно страдал похмельем, отчего Жора сразу почувствовал в нем родственную душу. Чуть поодаль, демонстрируя стройные ноги в кислотно-зеленых лосинах, сидела ярко накрашенная девица лет восемнадцати.

— О, а вот и наш дорогой коллега, — поприветствовал замершего в дверях Жору Саша, — все в сборе. Приступим, пожалуй?

— Угу, — согласился фотограф и прикрутил к фотоаппарату объектив, больше похожий на средних размеров телескоп. — С какой сцены начнем?

— Давайте отснимем Жанну, — с деловым видом предложил Саша. — Так, Жанночка, подойди сюда. Ты у нас проститутка…

— Ты, блин, охренел в натуре? — Жанночка распахнула подведенные синим веки и обиженно захлопала ресницами, будто бы всерьез собираясь заплакать.

— Я в фигуральном смысле. Это образ такой. Знаешь, что такое образ? Ладно, не важно… Представь, что ты снимаешься в кино и тебе нужно сыграть страстную женщину легкого поведения… Встань вот туда, к стене, и вообрази, что ты именно такая женщина. Представила?

Жанночка задумалась. По ее лицу было видно, что процесс воображения дается ей примерно с тем же трудом, с каким районному сантехнику — чтение инструкции к японскому видеомагнитофону на языке оригинала.

— Не, — наконец честно призналась она. — Не получается.

— А ты не старайся прямо вот так сразу на всю катушку, — терпеливо объяснил Саша с интонацией воспитателя детского сада, который уже третий час пытается научить детей лепить из пластилина зайчика, а получается почему-то пепельница. — Ты вспомни какого-нибудь мужика, который тебе нравится.

— У меня таких много.

— Ну, выбери одного.

— А если остальные обидятся?

Фотограф неожиданно хрюкнул и тут же поморщился, потому что этот звук, судя по всему, болезненно отозвался где-то глубоко внутри его похмельного организма.

— Жанна, — обратился он к девушке сиплым, но добрым голосом, — ты просто встань красиво и смотри в объектив так, будто перед тобой богатый иностранец.

Это сработало мгновенно. Девица преобразилась так резко, словно внутри нее щелкнул невидимый тумблер. Плечи расправились, глаза томно прищурились, губы слегка приоткрылись. Она даже ногу выставила вперед с такой старательной грацией, будто собралась сдавать экзамен в балетную школу. Фотограф между тем присел на корточки и прижал глаз к видоискателю с видом настоящего художника.

— Жанна, подбородок выше… еще… ага… Саш, убери сзади коробку с журналами, она в кадр лезет… Кто поставил тут этот чертов вентилятор?

Когда первая серия кадров была отснята, Жору попросили изобразить маньяка: для этого следовало убедительно душить Жанну, а той — демонстрировать на кукольном личике неописуемый ужас.

— Сделай зверское лицо! — командовал фотограф. — Еще более зверское! Жора, у тебя получается не зверское лицо, а кислый хлебальник, как будто ты съел несвежий чебурек у вокзала. Мне нужен маньяк! Маньяк, понимаешь? Человек, у которого внутри морально-нравственный распад личности, а не заворот кишок! Да схвати ты ее за шею посильнее! Вот так, хорошо. А второй рукой за талию держи!

Жанночке, похоже, процесс очень нравился.

Потом Жоре выдали тяжелый макет пистолета, нацепили на шею бутафорскую золотую цепь и заставили играть бандита. Спустя четверть часа фотограф снова переключился на Жанну, которая уже окончательно вошла в образ и теперь смотрела в объектив с такой отчаянной страстью, словно пыталась соблазнить одновременно Сашу, оператора и весь молодой российский капитализм в целом. Жора тем временем осторожно присел на продавленный диван и машинально проверил, на месте ли «Моторола». Телефон приятно оттягивал карман. Ему ужасно хотелось достать трубку просто так, без причины, положить её на стол и небрежно сказать что-нибудь вроде: «если что — звоните на мобильный», желательно при свидетелях, но свидетели были заняты.

— Так, — Саша заглянул в исчирканный записями клочок бумаги, с которым время от времени сверялся, — теперь нам нужен кадр «жертва преступного мира». Жор, это как раз к тебе, у тебя фактура подходящая. Будешь изображать бизнесмена, которого ограбили.

Жора хотел было уточнить, что именно означает «подходящая фактура», но в этот момент фотограф внезапно ткнул в него пальцем.

— А кстати! Отличная идея. Пусть он телефон достанет.

Все взгляды устремились на него, и Жора с достоинством извлек из кармана свой мобильник. Даже Жанночка перестала строить глазки объективу и принялась с интересом рассматривать диковинку. Саша уважительно присвистнул:

— Настоящая?

— А то. Разрядилась только.

— Такой бандурой и убить можно, — одобрительно заметил фотограф. — Сразу видно: серьезный человек. Давайте его потом еще у окна снимем. Типа задумчивый бизнесмен на фоне трудной эпохи.

Жору нарядили в свекольного цвета пиджак, оставив цепь на своем изначальном месте, и съемки возобновились. После небольшого перерыва Саша притащил откуда-то засаленную милицейскую форму, причем только верхнюю ее часть — китель, синюю рубаху и фуражку, предложив Жоре напялить этот реквизит на себя. Китель пах так, будто в его карманах лет десять подряд хранили селедку, а под конец забыли в курилке районного вытрезвителя. Жора осторожно просунул руки в рукава и слегка поморщился.

— Блин, — пробормотал он, — тут внутри будто кто-то умер, причем давно.

—Не выпендривайся, — отмахнулся Саша. — Контора платит.

Стоило Жоре натянуть рубашку и китель, как в его облике немедленно появилось что-то сурово-чиновничье. Теперь он смотрел вокруг тяжелым взглядом человека, способного оштрафовать какого-нибудь гражданина за недостаточно уважительное выражение лица. Жанночка, увидев его в форме, вдруг прыснула со смеху:

— Ой, не могу… Ну вылитый участковый. И рожа такая, будто ему только что зарплату за полгода портянками выдали.

— Очень смешно, — буркнул Жора, поправляя фуражку.

Фотограф отщелкал еще половину плёнки и тожественно объявил, что теперь по сценарию милиционер должен стать трупом. Жора, не привыкший спорить с судьбой, покорно рухнул на холодный линолеум. Его уложили в позу, которую обычно принимают жертвы неразделенной любви или неосторожного самосвала, а затем Саша взялся за бутылку с кетчупом. Действовал он с такой профессиональной деловитостью, будто заправлял пельмени перед обедом. Жора почувствовал, как липкие красные струи расползаются по его лицу и кителю, но стоически терпел. Наконец экзекуция закончилась, и Саша отправил его отмываться, вручив между делом обещанный гонорар.

Жора наспех привел себя в порядок в офисной уборной, однако в его глазах все еще плясали фиолетовые отблески фотовспышки. Стрельнув у фотографа сигарету, он вышел на лестницу, чтобы немного перевести дух, и там нос к носу столкнулся с выходившим из дверей его собственной редакции Лёней Грачонком. Несмотря на субботний день, тот зачем-то явился в издательство и сейчас пребывал, очевидно, в очень расстроенном состоянии духа.

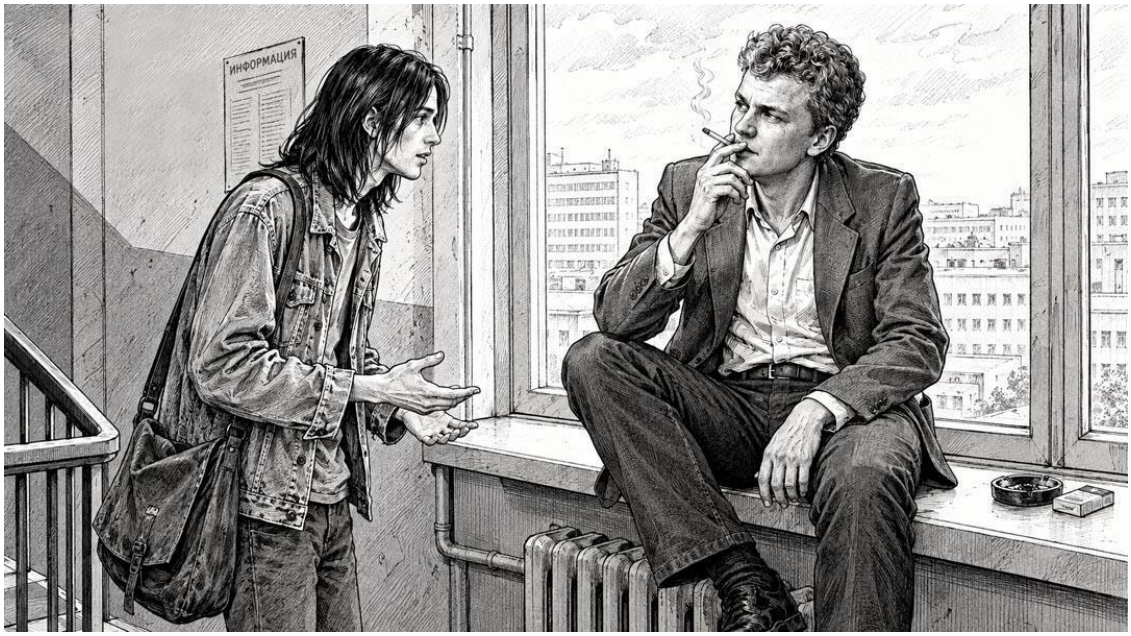
— О, вот ты-то мне и нужен, — сходу насел на него Грачонок, — мне срочно требуется твоя помощь!

Глава 5. Третий подъезд

— Привет, — поздоровался Жора, выпуская дым в лестничный пролет, и продолжил внезапно пришедшей на ум рифмой:

— Что ж ты, молодец, не весел, буйну голову повесил? Аль плохи твои дела? Аль подруга не дала?

Лёня ссутулился пуще прежнего, отчего сделался совершенно похожим на комсомольца, которого застукали за кражей пирожков в школьном буфете. Мечтавший сделать карьеру в криминальной журналистике и считавший своим кумиром первого ведущего телепрограммы «600 секунд», которого позже сменили сексуальная блондинка и пухлый мужик с медвежьей фамилией, Грачонок, тем не менее, совершенно не подходил на выбранную им роль. Невысокий, щуплый, с телосложением подростка и длинными волосами до плеч, в потертой джинсовой куртке и с вечной сумкой через плечо, он смахивал на студента какой-нибудь творческой специальности, которого представители преступного мира и редакционное начальство совсем не желали воспринимать всерьез. Казалось, Лёня вот-вот достанет из своей потрёпанной сумки скрипку и начнет играть что-нибудь грустное, а прохожие станут бросать мелочь в специально предусмотренную для этой цели обувную коробку. Впрочем, талантом его природа всё-таки не обделила, и тексты у Грачонка получались отменные.



— Жора, — трагическим голосом произнес Лёня. — У меня проблемы.

— Женился?

— Хуже.

— Развелся?

— Еще хуже.

— Тогда даже не знаю, что предположить, — развел руками Жора. — Рассказывайте, пациент, только по порядку. С чего начались проблемы? Жжение, зуд, болезненное мочеиспускание?

Лёня оглянулся по сторонам и понизил голос.

— Помнишь, я хотел сделать материал про уличных катал? Ну, которые возле вокзала работают и прохожих на деньги разводят?

— Ага, — кивнул Жора, — ты еще неделю назад всем уши прожужжал, что это будет репортаж века.

— Они меня раскрыли! Я позавчера подошел посмотреть. Просто посмотреть, прикинь? Стоял в стороне, записывал в блокнот…

Жора уже начал понемногу догадываться, чем завершится эта печальная история.

— Лёнь, а тебе никогда не приходило в голову, что человек, который стоит возле места обитания жуликов и что-то старательно записывает в блокнот, выглядит слегка подозрительно?

Грачонок окончательно скис.

— Я же не думал...

— Вот это совершенно напрасно. Думать, Лёня, иногда полезно, это стимулирует нейронные связи и развивает когнитивные способности.

— Когте… чего?

— Неважно, проехали. Что дальше-то было?

— Сначала подошел какой-то тип неприметного вида и спросил, что я пишу.

— А ты?

— Сказал, что заметки для статьи.

Жора посмотрел на Грачонка с таким выражением, с каким биолог изучает особо редкий образец вымирающей фауны.

— Лёнь...

— Не, ну а что я должен был ответить?

— Например, что сочиняешь письмо любимой бабушке. Или стихи. Или составляешь список полезных дел на ближайшие выходные. Да мало ли…

— Поздно уже было. Следом за этим типом подвалили еще двое, бритые такие, в кожанках. Отобрали блокнот, а заодно объяснили, что писать ничего не надо.

— Вежливо хоть объяснили?

Лёня мрачно потер подбородок.

— Очень доходчиво. Самое неприятное, что они меня запомнили. И соваться туда еще раз…

— …страшно, — понимающе хмыкнул Жора.

— Неосмотрительно, — поправил его Грачонок. — Особенно с учетом того, что у меня редакционное удостоверение просрочено.

— Это как? — удивленно переспросил Жора. Сам он внимательно следил за сроком годности своей журналистской «корочки», которая не раз выручала его в сложных жизненных ситуациях.

— Да с месяц уже, — махнул рукой Грачонок. — Сначала всё некогда было, потом я в отпуск ушел, потом Максимыч заболеть решил и пропал куда-то на три дня, ну вот и…

Жора хмыкнул.

— Ясно. Значит, ксивы нет. Каталы тебя знают. Идти туда страшно.

— Не страшно. Просто...

— Страшно.

— Ну, немного.

Жора выпустил дым через нос и аккуратно затушил окурок в пепельнице.

— Нет, Лёня.

—Но ты даже не выслушал!

— И не собираюсь. У тебя такой вид, словно сейчас последует предложение, после которого нормальные люди обычно оказываются в травматологии. Я тебя слишком давно знаю, чтобы ждать чего-то другого.

Грачонок тяжело вздохнул.

— А если я предложу тебе самому подписаться под статьёй, а меня добавить в соавторы? Ну, идею-то всё-таки я придумал…

— Идеи в нашем мире ничего не стоят, — покачал головой Жора. — Я вон тебе целую кучу гениальных идей могу подкинуть, причем совершенно бесплатно. Только чтобы превратить их в качественный материал, нужно еще постараться, и ты это прекрасно знаешь. Так что нет, Лёня. Сам облажался, сам выгребай.

— А если я проставлюсь? — заискивающе протянул тот. — Могу прямо сейчас, тут одна неплохая разливуха есть неподалёку…

Лёня знал, как затронуть в душе своего коллеги самые сокровенные струны. Таких струн было, в сущности, не так уж и много, но все они внезапно просыпались и принимались петь на разные голоса, если в атмосфере проявлялся призрак стакана, наполненного чем-нибудь крепким, и, главное, халявным. Жора задумчиво посмотрел на него, и Грачонок, почувствовав слабину, залился певчим соловьём:

— Я отвечаю, реально хорошее место. Пиво неплохое, чего посерьёзней тоже наливают, шаверму опять же делают… Посидим, выпьем, поболтаем…

— Угу, а потом ты будешь склонять меня отправиться к твоим уличным жуликам с вопросом «а расскажите, как вы нарушаете закон?». Знаешь, в чем главная проблема твоей задумки, Лёнь? В том, что при районной больнице еще не успели организовать отдел криминальной журналистики. А это мероприятие закончится, скорее всего, именно там.

— Значит, не пойдешь? — снова ссутулился Грачонок.

Жора посмотрел в окно на свою машину, сиротливо ждавшую хозяина на полупустой парковке, и с тоской подумал, что ожидание, скорее всего, затянется надолго.

— В разливуху-то? Отчего же, пойду, грех упустить такой случай выпить за твой счет. А вот на предмет всего остального посмотрим.

Заведение, располагавшееся в цоколе жилого дома неподалеку от редакции, и впрямь оказалось неплохим — чистеньким, светлым и немноголюдным. Даже странно, что он сюда раньше не заглядывал. Жора заказал себе шаверму: суетившийся за стойкой смуглый мужик в засаленном переднике ловко надрезал круглую питу, щедро плеснул внутрь густого соуса, добавил салат, запеченную куриную стружку и положил округлившуюся конструкцию подрумяниваться на гриль. Помещение тут же наполнилось кисловатым чесночным духом. В качестве аперитива Грачонок взял два раза по сто пятьдесят портвейна, который здесь, по его словам, был очень неплохим.

Напиток и впрямь оказался отличным, а вот пить Лёня совершенно не умел. Уже после второго стакана он, с трудом ворочая языком, принялся повторять одни и те же истории дважды и глупо хихикал над несмешными анекдотами, которые сам же и рассказывал. Жора же к алкоголю относился с куда большим уважением и ответственностью. Старшие товарищи, включая настоящего профессионала в плане потребления горячительных напитков — главреда Максимыча,— объяснили ему две фундаментальные истины, которые не встретишь ни в одной мудрёной энциклопедии, включая Большую Советскую. Первая звучала удивительно просто: если уж сел выпивать с людьми — пей наравне со всеми, но так, чтобы в конце вечера не слететь с королевских копыт. Искусство хорошей пьянки заключается вовсе не в том, чтобы быстрее остальных превратиться в полубессознательное тело, поющее под столом песни из репертуара Аллы Борисовны Пугачёвой. Истинное искусство заключалось в другом: уверенно пройти вместе с коллегами через все положенные стадии веселья, сохранив при этом способность держаться на ногах без посторонней помощи.

Вторая заповедь была еще важнее: не бросать павших товарищей. Потому что сегодня ты тащишь домой приятеля, который внезапно решил поспать на троллейбусной остановке, а завтра этот же приятель, тихо матерясь и обещая никогда больше с тобой не бухать, поволочет

домой уже тебя. Именно так поддерживалось хрупкое равновесие мироздания. Глядя на стремительно хмелевшего Грачонка, Жора с некоторым отчаяньем понял, что сегодня вселенная опять потребует от него соблюдения второй заповеди, причем тащить бездыханное тело молодого криминального журналиста придётся аж в самое Купчино.

Впрочем, транспортировка Грачонка прошла без серьезных приключений. Перед входом в метро Жоре каким-то чудом удалось слегка привести раскисшего Лёню в чувство. Крепко ухватив того под руку, он смог протащить субтильное тело Грачонка через турникет под бдительным и строгим взором дежурного милиционера. Однако в конце путешествия Лёня поплыл совершенно и принялся шумно требовать продолжения банкета, убеждая Жору, что настоящий журналист не имеет права заканчивать творческую встречу, пока не обсудит международную обстановку, свободу слова и творчество группы «Кино». Почему именно этим трем темам следует уделить внимание исключительно под портвейн, Лёня, похоже, и сам не знал. Впрочем, в состоянии глубокого алкогольного просветления подобные логические нестыковки его уже ничуть не смущали.

По дороге от метро он дважды попытался заговорить с совершенно случайными прохожими. Первому — угрюмому мужику с хозяйственной сумкой — Лёня доверительно сообщил, что тот производит впечатление исключительно честного человека, после чего предложил вместе написать книгу о петербургской преступности. Мужик ускорил шаг так резко, будто внезапно вспомнил, что забыл выключить дома утюг. Второй жертвой стала старушка с таксой. Ей Грачонок долго и путано объяснял, что отечественная журналистика переживает тяжёлые времена, а потом неожиданно поинтересовался, нет ли у нее на примете какой-нибудь симпатичной и свободной подружки, с которой можно провести романтический вечер. Старушка поспешно перекрестилась, подхватила собаку на руки и почти бегом скрылась в ближайшей подворотне. После этого Лёня внезапно устал от общественной деятельности и повис на Жоре с безмятежной улыбкой на лице. До дома оставалось каких-нибудь двести метров, но именно это расстояние показалось Жоре сопоставимыми с переходом Суворова через Альпы. Разница заключалась лишь в том, что Суворову, насколько ему было известно, не приходилось каждые полминуты выслушивать требования немедленно накатить еще по одной для закрепления успеха.

Сдав тело Грачонка мрачной женщине в домашнем халате, судя по очевидному внешнему сходству — его матери, Жора спустился на улицу и взял в ближайшем ларьке бутылку «Степана Разина». Присев на облезлую лавочку во дворе, он закурил и посмотрел на часы. До дома предстояло пилить через полгорода, но день еще нельзя было считать окончательно потерянным. В памяти вдруг всплыл недавний разговор с Драндулевичем: где-то здесь, поблизости, обитал вокалист группы «Третий Подъезд», той самой, чью кассету он столь опрометчиво решил послушать недавним утром. Жил музыкант по словам бывшего одноклассника «да прямо возле метро, минут десять пешком». Жора похлопал себя по карманам: на обороте кассетного вкладыша действительно обнаружился адрес, торопливо нацарапанный рукой Павлентия. Складывалось впечатление, что тот записывал информацию, прыгая по ухабам в кузове мчащегося куда-то грузовика: номер дома и название улицы удалось разобрать почти сразу, а вот номер квартиры после непродолжительной борьбы все же капитулировал перед здравым смыслом. Жора оглядел одинаковые панельные дома, тянувшиеся до самого горизонта, тяжело вздохнул и побрёл к ближайшей автобусной остановке.

Заросший бурьяном сквер, кособокий турник, похожий на ржавую виселицу, угрюмые ряды девятиэтажек, серые коробки гаражей. Возле детской песочницы с отсутствующим песком что-то обсуждают три пенсионерки в платочках, а из-за гаражей доносится сосредоточенный стук молотка по железу. Типичный пыльный купчинский двор, где даже голуби, казалось,давно утратили интерес к жизни.

Жора еще раз посмотрел на адрес. Дом совпадал, оставалось выяснить сущую мелочь — в какой именно квартире обитает человек, которого Драндулевич называл «последней надеждой российского рока». По описаниям Павлентия личность выходила совершенно выдающаяся. Вокалист группы «Третий Подъезд» не только сочинял по нескольку песен в день, но и пребывал в твердой уверенности, будто отечественная эстрада уже много лет существует исключительно за счет идей, которые у него регулярно воруют. Он писал письма продюсерам, музыкантам и телевидению, требовал покарать плагиаторов и время от времени объявлял, что именно его коллектив должен представлять Россию на международных музыкальных конкурсах. Письма, разумеется, оставались без ответа, но их автор не унывал и с настойчивостью типографского станка строчил новые. Подобные люди всегда вызывали у Жоры профессиональную симпатию. Если человек искренне считает себя непризнанным гением, то разговор с ним редко бывает скучным, особенно если не пытаться его переубедить.

Во дворе появился долговязый парень лет семнадцати с авоськой, из которой торчала бутылка кефира и живописно отгрызенная половинка батона.

— Слушай, командир... — окликнул его Жора. — Не подскажешь, где тут музыкант один живет? Штробас его зовут.

Парень остановился.

— Это который с басухой наперевес даже в сортир ходит?

Он в задумчивости почесал спутанную шевелюру.

— За квартиру точно не скажу, но могу парадную показать… А, блин, да вон же он едет!

Во двор, оглушительно тарахтя, вкатился потрепанный мопед «Карпаты». В седле громоздился упитанный, коротко стриженый парень в кожаной куртке, рукава и воротник которой были украшены самодельными значками из пивных пробок, а плечи — металлическими шипами. Если судить по торчащим из многочисленных дыр кожанки клочкам подкладки, шипы наездник добыл с ошейника какого-то местного добермана в честном бою.

Мопед прокатился вокруг детской площадки, хищно взрыкивая мотором. Вырулив из-за поворота, наездник нажал на тормоза, но у них, похоже, имелось своё мнение о собственном предназначении, и транспортное средство, не снижая скорости, с грохотом врезалось в растущий меж гаражами старый тополь.

— Это его обычный способ остановки? — на всякий случай уточнил Жора. — Вмазаться в дерево?

— Не, — покачал головой долговязый, — обычно он прилетает вон в тот забор.

Тем временем беспечный ездок поднялся на ноги, отряхнул пыльные джинсы и поднял за руль поверженный мопед. Судя по тому, с каким трудом ему давались эти действия, парень был изрядно пьян.

— Штробас? — обратился к нему Жора. — Привет, я журналист. Не против пообщаться?

— Ты из телевизора? — повернулся к нему музыкант.

— Из газеты.

Штробас посмотрел на Жору с явным интересом, будто давно ждал этой встречи, просто журналисты по какой-то неизвестной причине всё время где-то задерживались. Он расправил плечи, пригладил коротко стриженные волосы и изобразил на лице выражение, которое, по его представлению, должно было соответствовать рок-звезде мирового масштаба. Всё в его позе кричало о грядущей славе, для полноты картины не хватало только толпы восторженных поклонников. Пока в их число входила только пожилая женщина, высунувшаяся во двор исключительно затем, чтобы громко поинтересоваться, долго ли этот оболтус собирается газовать под окнами. Штробас вопрос проигнорировал. Великие люди вообще редко бывают поняты современниками, особенно если те живут с ними в одном подъезде.

— А ты слышал мои мелодии? — важно поинтересовалась будущая звезда. — Как они тебе вообще? Я, между прочим, уже штук пятьсот песен сочинил, обо всем на свете. Вот про эту колымагу еще не написал разве что…

Штробас пнул тяжелым ботинком свое транспортное средство, а Жора невольно задумался. Если предположить, что хотя бы половина из упомянутых песен была похожа на ту кассету, которую он решил недавно послушать, отечественная музыкальная индустрия, напрочь игнорировавшая существование группы «Третий Подъезд», чудом избежала крупнейшей катастрофы в своей истории.

— Так есть же вроде, — осторожно заметил он, и напел по памяти: — «Мне на днях исполнилось шестнадцать лет, захотел я двухколёсный драндулет…»

— Не, — махнул рукой музыкант, — это ж про «Яву», а у меня «Карпаты». Но бессмертную классику ты знаешь, уважуха. За это надо выпить!

Штробас порылся за пазухой и извлек оттуда грязноватую пластмассовую фляжку. Открутил крышку, сделал щедрый глоток и протянул посудину Жоре. Из горлышка пахнуло какой-то отвратительной кислой сивухой. Чтобы не обидеть музыканта, Жора притворился, будто попробовал неведомое зелье, а затем вернул фляжку законному владельцу.

— Самогон? — на всякий случай уточнил он.

— Ты чё, чистая брага!

Штробас с видимым удовольствием сделал еще пару жадных глотков, шумно срыгнул и заметил с философским видом:

— Настоящий музыкант без вдохновения не работает, а выпивон для этого самое первое средство, вот что я скажу.

— И помогает?

— Конечно. После третьей кружки такие гармонии приходят — все удивляются.

Жора решил не уточнять, кто именно удивляется сильнее — автор или слушатели.

— Группу-то давно собрал?

— Да группа — это дело наживное. Сегодня один состав, завтра другой. Главное — песни. Песни вечные, братуха.

Он назидательно постучал себя пальцем по лбу:

— Тут их знаешь сколько?

— Ты говорил — пятьсот.

— Уже больше, я просто считать перестал. Иногда за ночь по три штуки рождается. Просыпаюсь — и сразу записывать. Если не записать, какой-нибудь известный певец у меня эти мелодии прямо из головы сворует.

— В каком смысле?

Штробас посмотрел на Жору почти с сожалением.

— Ну ты как будто не в теме, а еще, типа, журналист. В нашем мире, братуха, существует такое невидимое космическое информационное поле, к которому подключены разумы всех творческих личностей. Про это по телевизору рассказывали, в передаче «НЛО — необъявленный визит», и газета писала, эта, как её… «Неведомое». Так вот, значит, стоит музыканту придумать гениальную мелодию, как другие композиторы могут ее тут же подслушать и украсть. А у них, понимаешь, всё есть, и бабло, и продюсеры, и доступ на радио с телеком. Всё схвачено, понял, да? Они в шоколаде, а ты в дерьме. Они, думаешь, самостоятельно мелодии и стихи сочиняют? Да ни фига. Нахрена вообще напрягаться, когда можно украсть готовое?

— А кто именно этим промышляет? — Жора профессиональным жестом достал из кармана блокнот.Вытянуть что-то интересное из этого разговора он уже отчаялся, но вот если Штробас назовет хотя бы одну фамилию, она легко потянет на небольшой скандальчик. «Питерский музыкант обвинил известного исполнителя в воровстве»… Как звучит!

— Да буквально все, — Штробас перевернул опустевшую фляжку и разочарованно потряс ее, словно не веря, что внутри больше нет ни капли.

— Все — это кто?

Музыкант неопределенно махнул рукой.

— Ну... известные. Ты их знаешь.

Такой ответ был удивительно удобен. Его невозможно проверить, зато звучал он для неискушенной публики крайне убедительно.

— И что, часто воруют?

— Да постоянно. Только переделывают по чуть-чуть, то припев переставят, то слово заменят — и думают, никто не догадается. Но я-то знаю!

— Так хоть одного ты можешь назвать? Кто конкретно у тебя мелодию увёл?

— Ну… вот этот… как его… который про любовь поёт, — оживился Штробас, — Да ты его знаешь! Он ещё с таким голосом… И клипы у него дорогие. Бабы там в одних трусах пляшут.

— Это примерно половина эстрады.

— Ну вот! — обрадовался Штробас. — Я же говорю.

Жора почувствовал, что разговор начинает ходить по кругу, причем по кругу уже явно протоптанному — с обвинениями, жалобами на несправедливость вселенной, но без какой-то конкретики. Он мысленно вздохнул: скандал, обещавший хоть какую-то журналистскую ценность, тихо растворялся в глубинах космического информационного поля.

— Ладно, — сказал он, убирая блокнот. — Телефон у тебя есть?

— Есть конечно.

— Диктуй, и мой заодно куда-нибудь запиши. Если вдруг вспомнишь фамилии воров или сочинишь новые пятьсот песен — звони. А мне пора.

— Уже? — искренне удивился Штробас. — А как же про группу написать? У нас вообще-то тур скоро.

— Куда поедете?

— Пока на Гражданку, но это только начало. Нас в клуб выступить пригласили, в этих, как его, Ручьях…

— Понимаю, — кивнул Жора. — Важный исторический этап большого творческого пути. Желаю успехов, и как только твоя величественная фигура украсит собою галерею мадам Тюссо, я сразу же сочиню об этом большой репортаж с анонсом на первой полосе. Ну, бывай.

Жора протянул ему руку. Пожатие оказалось неожиданно крепким — видимо, постоянное ношение бас-гитары все-таки развивает не только творческое начало.

Украдкой вытерев ладонь о штаны, журналист развернулся и зашагал в сторону метро. За спиной взбесившейся бензопилой взревел мопед.

Глава 6. Каталы

– Неплохо, очень неплохо. Отлично поработал. Мастерство, как говорится, не пропьешь, хотя ты очень стараешься.

Евгений Максимович отложил аккуратно отпечатанную на машинке статью про решающее значение мобильной связи в условиях молодого российского капитализма и снял очки. На самом деле, сочиняя этот материал, Жора не то чтобы перенапрягся. Долго корпеть над текстом, оттачивая формулировки и меняя местами слова, он считал не слишком эффективным методом работы. Гораздо важнее было поймать то чудесное состояние, которое Жора называл про себя «потоком». Если сесть за клавиатуру редакционного компьютера или просто за стол с блокнотом и начать писать, то в какой-то момент текст начинал выливаться на бумагу сам собой. Жору затягивало в неудержимый водоворот образов и метафор, а мир вокруг переставал существовать вовсе. В такие мгновения время прекращало свой бесконечный бег: решив набросать пару строк перед сном, он мог очнуться возле стопки исписанных листов, когда стрелки уже показывали седьмой час утра. Сегодняшняя статья тоже родилась в «потоке», и у Жоры были все основания гордиться полученным результатом.

— Запланируем в пятничный номер? – деловито уточнил Костя Пелетин. — У нас там буквально две полосы осталось, а еще заметки от этих, блин, практикантов по плану будут.

При упоминании практикантов, напросившихся бесплатно потрудиться в настоящей редакции перед подготовкой дипломных работ, Максимыч поморщился, словно от зубной боли.

— Свалились на нашу голову. Ты черновики их хотя бы просмотрел?

— Просмотрел. Отборное дерьмо, хоть сейчас в колхоз отправляй на удобрение.

— Вот не в обиду будет сказано, — подал голос Жора, — но лично я ни разу не видел, чтобы выпускники «журфака» написали хоть что-то толковое. Вечно у них фигня какая-то получается.

— А знаешь почему? — пристально посмотрел на него Евгений Максимович. — Потому что журналистский талант, Жора, это как член с яйцами. Либо есть от природы, либо его нет. И если не дано, хрен ты его отрастишь, как бы ты ни тужился. У тебя, например, талант есть, хотя ты у нас и без профессионального диплома, а у них… Некоторым и диплом с печатью не поможет.

— Значит, ставим на пятницу, — сделал отметку в своей тетради Пелетин. — Мы пойдем, Евгений Максимович? Работы много.

— Да катитесь, с глаз моих…

Лето в этом году выдалось не по-ленинградски жарким, окна в редакции были распахнуты настежь, а с улицы доносился звонкий детский смех, стук мяча об асфальт и задорное чириканье воробьев.

— Значит, писанина твоя про мобильники в пятницу выйдет, — вполголоса произнес Пелетин, когда за их спинами закрылась дверь начальственного кабинета, — ты деньги за нее когда принесешь?

— Будут тебе деньги, Костя, обожди пару дней, — хлопнул его по плечу Жора, хотя у него самого такой уверенности в завтрашнем дне не имелось: нужную сумму за размещение Жениной скрытой рекламы еще предстояло где-то раздобыть. И сумма получалась немалая, а в каких краях ее взять, Жора сейчас не имел ни малейшего представления.

— Ну, смотри. До понедельника, максимум до среды постарайся решить вопрос…

Договорить Пелетин не успел: дверь редакции с грохотом распахнулась и на пороге возник невысокий сутулый мужичок с двумя клетчатыми сумками из толстого коленкора. Его появление, впрочем, никого особо не удивило: проход в офисное здание был свободным,

потому посторонние тут бродили толпами и паслись стадами. Мужичок огляделся, прочистил горло и громко провозгласил:

—Дамы и господа, па-а-апрашу минуточку внимания! Наша торговая компания желает вам хорошего дня и представляет великолепный набор сковородок! Их уникальное покрытие разработано в космических лабораториях НАСА по военным технологиям, и потому продукты в наших сковородах не пригорают, готовятся в два раза быстрее и получаются в три раза вкуснее! В магазинах такой набор вы не найдете, но только у нас и только сегодня его можно приобрести по льготной цене, а кроме того, в подарок вы получите поварешку из нержавеющей стали совершенно бесплатно!

Подобные коробейники наравне с религиозными проповедниками ходили по бизнес-центрам с регулярностью рейсовых автобусов, предлагая посуду, чудо-пылесосы, книги, билеты в цирк, колготки и даже нижнее белье, потому выступление мужичка никакого впечатления на присутствующих не произвело. Однако тот не сдавался:

— Мы предлагаем широчайший выбор посуды с покрытиями нескольких цветов! Там есть разные тона...

— ...из двухсот сортов говна, — громко закончил за него Жора, вызвав тем самым хоть какое-то оживление в офисе: Ниночка прыснула в кулачок, а «Три В» на мгновение отвлекся от монитора, подняв мрачный взгляд на вошедшего. Мужик сбился с заученного сценария, мгновение помялся, но быстро взял себя в руки:

— Если вас заинтересовало наше уникальное предложение, задавайте любые вопросы!

— Уважаемый, — обратился к нему Жора, — вы сказали военные технологии?

— Совершенно верно!

— А наступательные или оборонительные?

— Что? — слегка растерялся коробейник.

— Ну, сковородка предназначена для атаки или для защиты? Впрочем, если ее разрабатывали в НАСА, технологии определенно наступательные. Боюсь, с таким подходом вы свою посуду тут не продадите. Моя жена, например, регулярно использует сковородки в качестве тактического оружия массового поражения одного конкретного мужа. Но лично мне пополнять ее арсенал отчего-то совершенно не хочется.

— Наши уникальные сковородки предназначены для приготовления еды… — вновь завел свою шарманку продавец, но Жора перебил его:

— Значит, в ближнем бою они не раскрывают всех своих преимуществ?

— Это специальные космически разработки...

— Понимаю. Главное, чтобы представители Пентагона не явились сюда за комиссионными.

В офисе захихикали, а мужик нервно кашлянул.

— Ступайте, — Жора развернул его за плечи и мягко подтолкнул к выходу, — доложите американскому командованию, что операция провалилась, но противник понес серьезные моральные потери.

Стоило выпроводить продавца сковородок за дверь, как следом в офис проскользнул Лёня Грачонок, выглядевший слегка помятым, но при этом вполне бодрым.

— Привет, Жора, — протянул руку он, — так что ты решил? Когда пойдешь собирать материал про катал?

— Да вот сразу после обеда и отправлюсь, — вздохнул тот, понимая, что просто так от назойливого криминального журналиста отделаться не выйдет.

Каталы обнаружились на своем привычном месте, на площадке между выходом из метро и аркой, ведущей к вокзалу, где в любое время суток не пересыхал ручеек спешащих по своим делам обывателей. Слоняющиеся в ожидании своего поезда пассажиры, командировочные, встречающие и прочая праздная публика иногда задерживалась возле выставленного на

тротуаре складного столика, образуя в людском потоке маленький островок. На столе громоздились яркие коробки из-под импортной бытовой техники. Среди них виднелась магнитола «Грюндик», двухкассетник «Филипс», видеомагнитофон «JVC» и портативный телевизор «Голд Стар», причем Жора подозревал, что все коробки на самом деле пустые. За импровизированным прилавком скучал паренек цыганистого вида, а рядом топтался солидный господин с веером картонных карточек в руке.

На поясе запиликала «Моторола», и Жора вытащил антенну, а потом нажал на кнопку, принимая вызов.

— Ты когда карниз повесишь? — донесся из динамика недовольный голос матери. — Тебе сколько напоминать надо, урод ты тупой?

Жора вздохнул. Сообщать номер своего мобильника матери он не собирался, но с этой задачей прекрасно справилась Вера, и теперь мать названивала ему денно и нощно, а он, скрипя зубами, оплачивал входящие вызовы. Карточки предоплаты по десять условных единиц, с которых нужно было вводить в телефон длинный набор цифр, улетали с головокружительной быстротой. Того, что бесполезные разговоры стоят вполне конкретных денег, мать категорически не понимала.

— Пока не надоест, — буркнул в трубку он. — Времени совсем нет.

— У тебя никогда времени нет, — задребезжала трубка, — в кого ты только такой уродился, придурок? Вот у соседки дети как дети, о родителях заботятся, помогают…

— Ну и попроси их карнизом твоим заняться. Может, согласятся. Всё, пока, мне некогда.

Он нажал отбой. Через мгновение телефон заверещал снова, но Жора отключил трубку: мать могла высказывать свои претензии непрерывно, обкладывать его последними словами, а потом перезванивала через пару часов, как ни в чем не бывало. Кроме взаимной ругани, разговоры эти ничем не заканчивались.

Тем временем господин с карточками в руке зорко оглядывал прохожих, выцеливая среди них потенциальную жертву.

— Девушка! Девушка, можно вас на минутку?

Простоватая на вид тетка лет сорока пяти, тащившая хозяйственную сумку, из которой торчал наружу пучок петрушки, замедлила шаг.

— Девушка, помогите, пожалуйста! Я участвую в благотворительной лотерее, бросьте за меня кубики на удачу!

Тётка, совершенно разомлевшая от уже давно забытого обращения «девушка», покорно приняла протянутые ей игральные кости и бросила их в подставленное цыганом ведерко. В конце концов, что плохого может случиться, если она всего лишь бросит кубики для столь обаятельного и приятного на вид мужчины?

— Двенадцать очков! — провозгласил паренек, и, сверившись в лежащей перед ним таблице с цифрами, торжественно добавил:

— Суперприз! Поздравляю, вы выиграли сто тысяч рублей!

С этими словами цыган выудил из кармана и протянул расплывшемуся в счастливой улыбке господину толстую пачку банкнот.

— Ну надо же! Нет, вы видели? Какая удача! — залепетал победитель. — Спасибо, спасибо вам, девушка, большое! У вас легкая рука! Даже не знаю, как вас отблагодарить за помощь… Вот, возьмите мои оставшиеся лотерейные карточки, пусть они и вам принесут удачу! Я вам их дарю!

— А я тоже несколько карточек куплю!

К прилавку скользнул юркий носатый дядька с бегающими поросячьими глазками, и ловко оттеснил от стола недавнего победителя, который сразу же бесшумно растворился в толпе.

— Почем они тут у вас? Ага! Вот, держите деньги. Женщина, чего вы ждете, бросайте кубики еще раз!

Возле прилавка тут же материализовались трое крепких мужичков, вставших за спинами играющих полукругом так, чтобы зеваки не могли подойти слишком близко. Тётка с гулким стуком бросила в ведерко кости, цыган мельком взглянул на них, не показывая результат публике, и объявил результат:

— Девять! Проверяйте, есть у кого-нибудь девятка?

— У меня есть карточка с таким номером… — все еще не веря своему счастью, произнесла тётка.

— Так, сейчас посмотрим… — цыган уткнулся в свою табличку, — поздравляю, девушка, вы выиграли видеомагнитофон! Сегодня вам определенно везет…

— Погодите, — перебил его мужичок с бегающими глазками, — у меня тоже есть карточка номер девять! Вот она, смотрите!

— Значит, видеомагнитофон выиграли вы оба, — пожал плечами цыган. — По правилам нашей лотереи все выигрышные номера спаренные. Если обе карточки номер девять оказались бы у вас, девушка, или у вас, мужчина, то вам и достался бы приз. А теперь его придется разыграть, поскольку в нашей игре двух выигрышей не бывает. Я объявляю аукцион! Начальная ставка — пять тысяч рублей, ее нужно повысить хотя бы на тысячу. Кто поставит большую сумму, тот и забирает главный приз. Правила понятны?

— Понятны! Ставлю пять! — мужичок протянул цыгану мятую пятерку. — Отдавай сюда мой видак!

— Погодите… — женщина полезла в сумку, выудила оттуда кошелек и, задумчиво изучив его содержимое, протянула катале несколько купюр. — Я дам шесть тысяч!

— Семь! — взвизгнул мужичок и сунул цыгану еще одну банкноту.

— Восемь, — тетку, похоже, охватил нешуточный азарт.

— Десять!

— Двенадцать!

— Пятнадцать!

Чтобы лучше видеть происходящее, Жора протиснулся поближе, настолько, насколько позволяла выросшая вокруг столика толпа зевак. В то время как зрители наслаждались пере-

палкой тётки с юрким мужичком, он внимательно следил за ловкими пальцами паренька, принимавшего ставки. Пачку денег парень держал двумя руками: сверху лежали крупные купюры, ниже, под большим пальцем, — все меньше и меньше номиналом. Туда же, вниз пачки, он присовокуплял полученные от участников аукциона банкноты. Их паренек ловко складывал пополам, а потом, когда внимание участников аттракциона было занято чем-то другим, незаметно передавал стоящему сбоку дядьке с лицом запойного тракториста.

Дальнейший путь финансовых потоков проследить было несложно — помогла свойственная Жоре от природы наблюдательность. Вот «тракторист» вложил свернутую пополам пачку денег в ладонь стоящему с ним плечом к плечу крепышу, а тот переложил их за спиной в другую руку. Мгновение — и крепыш засунул купюры в карман пиджака носатого мужичка с бегающими глазками, который ожесточенно торговался с ведущим за очередную ставку. Похоже, против женщины играли её собственные деньги: сколько бы она ни поставила на кон, жулики могли сразу ответить более высокой суммой, причем в ставке этой играли банкноты, которые она сама отдала катале минуту назад.

Все хорошее рано или поздно заканчивается, и спустя непродолжительное время у наивной тётки все-таки иссякли финансовые запасы. Она задумчиво потеребила свой кошелек, заглянула в одно пустое отделение, в другое, пошарила по карманам, но перебить ставку носатого на сей раз ей оказалось нечем.

— Итак, у нас появился победитель! — торжественно объявил паренек. — Видеомагнитофон достается вам, мужчина! Поздравляем с выигрышем!

— Ладно, — разочарованно вздохнула женщина с петрушкой, — верните тогда мои деньги.

— По правилам нашей лотереи ставки не возвращаются, — категорично заявил ведущий, — но в следующий раз вам обязательно повезет. Всего доброго!

— Как не возвращаются? Почему не возвращаются? — залепетала тётка. — Я сейчас милицию позову!

Трое крепышей угрожающе придвинулись к жертве чуть ближе. Жора уже было подумал, что на этом спектакль окончен, но оказалось, что после непродолжительного антракта его ждала вторая часть представления.

— Подождите!

Сквозь толпу зевак протиснулась миловидная девушка не слишком приметной внешности: на лице минимум косметики, темные волосы стянуты на затылке в тугой хвостик.

— Это несправедливо! — заявила девушка, окинув устроителей аукциона строгим взглядом, а затем повернулась к совсем растерявшейся женщине:

— Я тут в соседнем ларьке работаю, сигаретами торгую. Я все видела! Видела, что вы честно выиграли свой видеомагнитофон, а этот гражданин, — она ткнула пальцем в носатого, — хочет ваш приз отобрать. Давайте я вам немного денег одолжу? А вы потом отдадите.

В глазах несчастной женщины, уже мысленно распрощавшейся со своими сбережениями, затеплился огонек надежды. Взглянув на свою спасительницу преданными глазами, она мелко закивала. Девушка, распахнув висевшую на плече изящную сумочку, достала оттуда толстую пачку разномастных банкнот.

— Мы увеличиваем на три тысячи! — заявила она, подмигнув своей компаньонке.

— Еще две сверху! — взвизгнул в ответ носатый.

Теперь тётка играла в долг. Девица понемногу повышала ставки, и Жоре уже начало казаться, что итоговая сумма шаг за шагом приближается к рыночной стоимости всей выставленной на столике техники, когда на сцене неожиданно появился новый персонаж.

— Наталья! — рявкнул над ухом незнакомый бас с характерным кавказским акцентом. — Я тебя уже полчаса ищу, а ты вон где шляешься! Почему ларек бросила? И где деньги из кассы?

Зеваки невольно расступились. К столику быстрым шагом приближался широкоплечий темноволосый мужчина лет пятидесяти в белоснежной рубашке, расстегнутой ровно настолько, чтобы окружающие могли по достоинству оценить толщину золотой цепи на волосатой груди. Девушка вздрогнула, втянула голову в плечи и затравленно посмотрела в его сторону.

— Ашот Михайлович... я... буквально на минутку...

— Какой такой "минутку"? — здоровяк навис над ней. — Ты зачем кассу забрала? Деньги где?

Он выдернул из ее рук несколько купюр, быстро пересчитал, недовольно цокнул языком и сунул в свой нагрудный карман.

— Этого мало! Остальное куда дела? Проиграла, да?

Девушка побледнела, губы у нее дрогнули, в глазах заблестели слезы.

— Я сейчас все объясню...

— Мне не надо объяснять! Через полчаса чтобы вся сумма была у меня на столе! Не будет — пеняй на себя, ясно?

Девица всхлипнула. Жора невольно отметил, что всхлип получился какой-то слишком правильный — словно она репетировала этот момент всю предыдущую неделю. Слезы тоже появились удивительно быстро, но почему-то исключительно в голосе. Глаза при этом оставались совершенно сухими.

— Полчаса! — отрезал Ашот Михайлович. Он резко развернулся и, расталкивая плечом публику, исчез в толпе.

— Что же теперь делать?.. — прошептала девушка, закрыв лицо ладонями. — Он же меня убъет... Господи... Мне ребенка кормить нечем...

— Девушка, это из-за меня... — виновато тронула ее за плечо женщина с петрушкой.

Организатор аукциона задумчиво почесал подбородок, всем своим видом изображая мучительный поиск справедливого решения.

— Вообще-то правила есть правила, — произнес он после театральной паузы. — Но ситуация, конечно, неприятная. Предлагаю поступить так: мы ваши деньги заморозим, но ровно на полчаса. Вы, женщина, съездите домой, возьмете недостающую сумму, а девушка пусть вас сопроводит, заодно поможете ей вернуть деньги в кассу. После этого мы продолжим аукцион с того места, где остановились.

— Правда? — с надеждой спросила женщина.

— Я свое слово держу, — торжественно заявил цыган, приложив ладонь к груди. — Мы люди порядочные.

В этот момент Жора не выдержал и заржал в голос. За последние пять минут он насчитал уже шестерых совершенно случайных людей, чьи интересы удивительным образом сошлись в одной географической точке. Носатый азартный покупатель, трое крепышей, вовремя подвернувшаяся продавщица из соседнего ларька, теперь вот разгневанный хозяин... Если на сцену сейчас выйдет участковый, который предложит отвезти женщину домой на служебном мотоцикле, Жора не удивился бы ни капли.

— Чего тебя так развеселило, парень? — с вызовом повернулся к нему цыган, но Жора проигнорировал этот вопрос.

— Гражданочка, не нужно никуда с ними ехать, — обратился он к тетке.

Женщина растерянно посмотрела сначала на него, потом на девушку, потом на организатора аукциона.

— Почему?

— Потому что вы сейчас участвуете не в лотерее, а в цирковом представлении. Только клоуны здесь почему-то без грима.

Вокруг стало заметно тише.

— Ты кого щас клоуном назвал, утырок? — негромко спросил один из крепышей тоном, не предвещавшим ничего хорошего.

— А вы с ними заодно? — с наивным видом поинтересовался Жора. — Неужели? Тогда очень дружный у вас самодеятельный коллектив получается, даже завидно…

Договорить он не успел: крепыши сработали быстро и на удивление слаженно. Один как бы случайно оказался справа, второй — слева, третий мягко подтолкнул Жору в спину.

— Пойдем-ка отойдем, побазарим, — все тем же не слишком доброжелательным голосом предложил он.

Через несколько секунд Жора очутился возле глухой бетонной стены, надежно скрытой от любопытных взглядов железной изнанкой торговых ларьков – «колокольчиков».

— Ты кто такой? — поинтересовался самый рослый, бесцеремонно охлопав Жору по карманам.

— Руки! — возмутился тот.

— Хлебало завали.

Второй уже успел залезть ему в карман рубашки.

— Оба-на, — воскликнул он, извлекая оттуда редакционные «корочки», — мусорок что ли? А не, глядите-ка, журналист. И мобила у него модная, пацаны. Кучеряво у нас писаки живут.

— Да уж получше некоторых.

— Смелый, да? — Первый из троицы крепко ухватил Жору за воротник и слегка прижал к стене. —Ну, ща мы тебе поясним насчет правил поведения в общественных местах.

Жора машинально дернулся, но тут же понял, что это была плохая идея. Держали его крепко, все пути к отступлению оказались отрезаны. Сзади — бетонная стена, впереди — железные задники ларьков и три крепких лба, явно не расположенных к дискуссии. Бежать некуда, а договариваться, судя по лицам собеседников, было уже поздно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.